

Р. Киплинг

СКАЗКИ

О ЖИВОТНЫХ



Редьярд Киплинг

Сказки о животных (сборник)

Почему кит ест только мелких рыбок

В стародавние времена в море жил Кит. Жил и ел рыбу, всякую разную рыбу: треску и камбалу, плотву и макрель, щук и скатов, миног и ловких вьюнов угрей. Ел он также морских звёзд и крабов и всё, всё, всё, что только ему попадалось. На всех-то, на всех рыб, на всех морских животных, которых Кит замечал, он кидался и, открыв огромную пасть, хватал их. Ам – и готово! Наконец Кит съел решительно всех рыб во всех морях. Уцелела только одна маленькая хитрая Рыбка. Она всегда плавала подле правого уха Кита, так что он не мог её схватить. И вот Кит поднялся, стал на свой хвост и сказал:

– Я голоден.

А маленькая-то хитрая Рыбка пропищала ему в ответ тонким, хитрым голоском:

– Пробовали ли вы, великодушный рыбообразный, человека?

– Нет, – ответил Кит, – не пробовал. А это вкусная штука?

– Да, – ответила хитрая Рыбка, – только человек ужасно беспокойное создание.

– Ну принеси мне парочку-другую людей, – сказал Кит и ударил хвостом по воде, да так сильно, что всё море покрылось пеной.

– Вам и одного за глаза хватит, – сказала хитрая Рыбка. – Проплывите до пятого градуса северной широты и до сорокового восточной долготы, и вы увидите, что посреди моря на плоту сидит Моряк. Его корабль разбился, а потому на нём только синие холщовые штаны на подтяжках (помните о подтяжках на протяжении всего рассказа!) и в кармане – нож. Но я, по совести, должна сказать вам, что он необыкновенно умён и находчив.

Кит поплыл. Он всё плыл и плыл к пятому градусу северной широты и к сороковому восточной долготы, и очень торопился. Вот он увидел посреди моря плот, а на нём – Моряка в синих холщовых штанах с подтяжками (главное – помните о подтяжках!), к поясу его был пристёгнут нож. Моряк сидел, свесив ноги в воду. (Конечно, его мамочка позволила ему болтать голыми ногами в воде, не то он ни за что не стал бы этого делать, потому что был очень умён и находчив.)

Кит открыл рот. Он открывал его всё шире и шире, так что чуть не дотронулся носом до хвоста, и проглотил Моряка, плот, на котором он сидел, синие штаны, подтяжки (о которых ни в коем случае нельзя забывать!) и нож. Моряк и все его вещи попали в тёплый тёмный желудок Кита. После этого Кит с удовольствием облизнулся и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, человек донельзя находчивый и умный, очутился в тёплом и тёмном желудке Кита, он затопал ногами, запрыгал, заколотил и замолотил руками по стенкам, стал кувыркаться и танцевать, кусаться, ползать, извиваться, выть, подскакивать и падать, кричать и вздыхать, лягаться, брыкаться и вертеться, а ведь если ты находишься в желудке, делать

этого вовсе не стоит. Понятно, Кит почувствовал себя нехорошо. (Надеюсь, никто не забыл о подтяжках?)

И он сказал хитрой Рыбке:

– Этот человек ужасно беспокоен. Кроме того, у меня из-за него началась икота. Что мне делать?

– Скажи ему, чтобы он выскочил обратно, – посоветовала Кити хитрая Рыбка.

Тогда Кит крикнул что есть силы, чтобы потерпевший кораблекрушение Моряк его услышал:

– Вылезай наружу и возись там! У меня от тебя икота!

– Ну уж нет, – ответил Моряк. – Поступим иначе. Отнеси меня к берегам моей родины, к белым утёсам Альбиона, там и поговорим. – И он заплясал ещё сильнее прежнего.

– Лучше сделай так, как он говорит, – сказала хитрая Рыбка. – Я же предупреждала тебя, что он очень находчив и умён.

Нечего делать: пришлось Кити плыть к Альбиону. Он всё плыл да плыл, усиленно работая плавниками и хвостом, хотя ему и мешала икота. Наконец он увидел белые утёсы Альбиона, с размаха чуть было не выскочил на отмель и стал открывать рот всё шире, шире и шире, а потом сказал:

– Конечная станция. Ближайшие пункты: Винчестер, Эшлот, Нешуа, Кин.

Как только Кит сказал слово «Кин», Моряк выскочил из его пасти. Надо сказать, что, пока Кит плыл, Моряк, человек действительно необыкновенно умный и находчивый, вытащил свой нож, расколол им плот на тоненькие планки, сложил их крест-накрест, крепко-накрепко связал их между собой своими подтяжками (теперь понятно, почему не следовало забывать о подтяжках?) и таким образом сделал из них решётку. Он взял с собой эту решётку и вставил её в горло Кита. А потом он кое-что Кити сказал. Вы, конечно, не слышали этих слов, но их повторю специально для вас. А сказал он вот что: «Эта решётка помешает тебе объедаться!»

Потом он ступил на отмель и пошёл себе домой, к своей маме, которая позволяла ему ходить босиком по воде. Он уносил с собой свой нож, и были на нём его синие холщовые штаны, только уже без подтяжек (они, как вы помните, остались в пасти Кита). Через некоторое время он женился и жил долго и счастливо. Кит тоже обзавёлся семьёй и на жизнь не жаловался. Однако с тех самых пор решётка, застрявшая в горле Кита, позволяла ему есть только очень-очень маленьких рыбок. Вот почему в наше время киты не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков, ни маленьких девочек.

Хитрая же Рыбка уплыла и спряталась в иле, под самым порогом экватора. Она боялась, что Кит на нее рассердится.

Вот и конец сказочки о Ките и хитрой Рыбке.

Когда день за днём за круглым стеклом —

Зеленое «хлюп» да «хлюп»,

Когда ходит в каюте пол ходуном,

И чашки подсакивают над столом,

И юнга падает в суп, —

Когда у мамы болит голова,

И нянюшка ковыляет едва,

И вещи срываются с мест,

Тогда ты понимаешь слова:

«Пятьдесят пять норд, сорок вест!»

Как на спине верблюда появился горб

Ах, как же интересна эта сказка! В ней рассказывается о том, как на спине у верблюда появился большой горб.

В самом начале времён, когда земля была совсем-совсем новенькая и животные только-только начали работать на Человека, жил да был Верблюд. Он поселился в самом центре огромной Воющей пустыни, потому что не хотел работать. Кроме того, он и сам любил пореветь всласть. Ел он там стебли сухих трав, терновник, ветви тамариска, молочай, разные колючки и ничего больше не делал. Когда кто-нибудь с ним заговаривал, он отвечал: «Грб». Только «Грб» – и больше ни чего.

И вот как-то в понедельник утром к нему пришла Лошадь. На её спине лежало седло, а во рту были удила. Она ему и ска зала:

– Послушай-ка, Верблюд, пойдём со мной к Человеку. Начни бегать для него так же, как мы, лошади.

– Грб, – только и ответил Верблюд.

Лошадь ушла и рассказала обо всём Человеку. Потом к Верблюду пришла Собака. Она принесла в зубах палку и сказала:

– Послушай, Верблюд, пойдём-ка со мной к Человеку! Отыскивай для него разные вещи, как это делаем мы, собаки.

– Грб, – фыркнул Верблюд.

Собака убежала и рассказала обо всём Человеку. Затем к Верблюду пришёл Бык. На его шее висело ярмо. Бык сказал:

– Послушай-ка, Верблюд, пойдё к Человеку и начни пахать, как это делаем мы, быки.

– Грб, – был ему ответ.

Бык ушёл и рассказал обо всём Человеку. В тот же день вечером Человек позвал к себе Лошадь, Собаку и Быка и, когда они пришли, сказал им:

– Бедные вы, все трое, мне очень жаль вас, но Верблюд, который говорит «Грб», не может работать. Если бы он мог что-нибудь делать, он был бы здесь, поэтому я оставляю его в покое. Вы же должны работать в два раза больше, чтобы заменить его.

Животные, услышав такие слова, очень рассердились. Они отправились на самый край пустыни и стали держать там совет. Скоро к ним подошёл ленивый Верблюд. Он посмеялся над ними, пожёывая стебель молочая, потом сказал «Грб» и ушёл.

В это самое время появился Джинн, который заведует всеми делами во всех пустынях. Он как раз проезжал мимо на облаке пыли. (Все джины всегда путешествуют самым необычным образом, потому что они – волшебники.) Завидя Лошадь, Собаку и Быка, он остановился, чтобы поговорить с ними.

– Джинн, хозяин всех пустынь, – обратилась к нему Лошадь, – скажи, неужели справедливо, чтобы одно существо ничего не делало, когда весь мир такой новый и такой молодой и у всех ещё так много работы?

– Конечно нет, – ответил Джинн.

– Так знай же, – проговорила Лошадь, – что в самом центре Воющей пустыни, принадлежащей тебе, как и все остальные, живёт одно существо с длинной шеей и длинными-предлинными ногами. Оно с самого утра понедельника ровным счётом ничего не сделало. Представь, оно не хочет бегать, как мы, лошади.

– Фюить, – присвистнул Джинн, – клянусь всем золотом Аравии, это животное – мой Верблюд. Ну а что он сказал тебе?

– Он сказал «Грб», – ответила Собака, – и он не хочет искать вещи!

– А Верблюд сказал ещё что-нибудь?

– Нет, только «Грб» – и всё. Главное, что он не хочет пахать, – встрял в разговор Бык.

– Очень хорошо, – проговорил Джинн. – Он твердит всё время «Грб»? Хорошо же, я задам ему такой славный «Грб», что он его навеки запомнит. Ну-ка, подождите меня немного.

Джинн завернулся поплотнее в песчаные одежды, помчался по пустыне и скоро увидел Верблюда. Верблюд ровным счётом ничего не делал и только разглядывал своё отражение в луже.

– Ты ленив до невозможности, – сказал ему Джинн. – Подумай, из-за этого у Лошади, Собаки и Быка с понедельника стало вдвое больше работы.

Сказав это, Джинн упёрся подбородком в кулак и стал мысленно произносить волшебные слова.

– Грб, – фыркнул Верблюд.

– На твоём месте я не стал бы вечно повторять «Грб», – заметил Джинн. – Мне кажется, ты и так слишком часто используешь это слово. Думаешь, ты самый умный? Дудки, полно тебе лентяйничать – принимайся-ка за работу.

Верблюд на это лишь повторил своё «Грб», но едва он закрыл рот, как увидел, что его спина, которой он так гордился, стала надуваться. Она раздувалась и раздувалась, и на ней наконец

образовался большой горб.

– Видишь, что случилось с твоей спиной? – спросил его Джинн. – Этот горб появился там, потому что с понедельника, то есть с того самого дня, в который началась общая работа, ты ничего не делал. Теперь тебе придётся потрудиться.

– Как я могу работать с таким горбом? – спросил Верблюд.

– Пусть это будет твоим наказанием, – ответил Джинн. – И всё потому, что ты лентяйничал три дня. Теперь ты получил возможность работать по три дня подряд, не отвлекаясь на еду, – тебя будет кормить этот горб. И пожалуйста, никогда не говори, что я ничего для тебя не сделал! Уходи из пустыни, отправляйся к Лошади, Собаке и Быку и веди себя хорошо. Иди же!

Верблюд поднялся и пошёл к Лошади, Собаке и Быку, унося с собой тяжёлый горб. С тех пор и до нынешнего дня Верблюд его и носит. Верблюд работает, много работает, но не может наверстать тех трёх дней, которые он пролентяйничал в самом начале времён. Да и вежливости он до сих пор не научился.

Верблюд, как вы помните, вёл себя худо,

И вот он, бедняга, горбат;

Но горб может вырасти, как у верблюда,

У всех нерадивых ребят.

У всех, кто не любит труда,

Детишек и взрослых – да, да! —

Может вырасти горб,

Отвратительный горб, —

Гуляй с ним по свету тогда!

Нам утром с постели вставать неохота,

И мыться под душем нам лень,

Нас точит уныние, мучит зевота,

И скука терзает весь день.

От этой зевоты-хандры

У взрослых и у детворы
Может вырасти горб,
Отвратительный горб, —
Тогда уже не до игры!

Чем больше себя ты лелеешь и холишь,
Тем горб твой быстрее растёт;
От этого горя лекарство одно лишь —
Твой собственный пот от работ.

Трудись, не щадя своих сил,
Чтоб джинн этот пот оценил
И снял с тебя горб —
Отвратительный горб,
Который ты сам нарастил.

У всех, кто не любит труда,
Детишек и взрослых – да, да! —
Может вырасти горб,
Отвратительный горб, —
Гуляй с ним по свету тогда!

Как на коже носорога появились складки

Очень давно на Необитаемом острове, что в Красном море, жил один Парс-огнепоклонник.
Он носил шапку, от которой отражались лучи солнца и которая сияла слишком ярко даже для

яркого Востока. Человек этот жил на самом берегу Красного моря, и у него не было ничего, кроме шапки, ножа и печки с плитой: знаешь, из тех, до которых никогда не следует дотрагиваться. Раз он взял муки, воды, сушёных слив, изюму, сахару и испёк из этих вкусностей пышный сладкий пирог сантиметров двадцать шириной и сантиметров тридцать высотой. Получился он на редкость вкусным, просто-таки даже сказочно вкусным. Пёк он его, пёк, и наконец сладкий каравай славно зарумянился, и от него пошёл аппетитный запах. И вот только Парс собрался угоститься чудо-пирогом, как из лесу вышел Носорог. Носорог, на носу которого – рог и глазки которого – свиные. Надо сказать, что в те времена кожа Носорога плотно облегалась всё его тело: на ней не было ни одной складочки или морщинки. Он был совсем такой, как носороги в игрушечном Ноевом ковчеге, только, понятно, гораздо, гораздо больше. Как бы там ни было, носороги всегда отличались плохими манерами, как сейчас, так и в стародавние времена.

Носорог сказал: «Ага!» И Парс тут же бросил свой пирог, и вскарабкался Парс на высокую пальму. Была на нём только его шапка, шапка, сиявшая на солнце не хуже самого солнца, шапка, ярче которой не было ни у кого на Востоке. Носорог опрокинул носом керосиновую печь с плитой, и пирог покатился по песку. Тогда он сперва насадил его на свой рог, а потом съел и, помахивая хвостом, ушёл в густые, безлюдные дебри, что рядом с островами Мазандеран, Сокотра и пустыней мысов Высокого Равноденствия. Парс слез с пальмы, поставил печку на ножки и нараспев произнёс несколько слов. Ты не знаешь, что он пропел, а потому я перескажу тебе: «Тот, кто съел хлеб, который я испёк, получил урок».

И в этих словах было больше правды, чем ты думаешь.

Ровно через пять недель на Красном море стало так жарко, что жители сбросили с себя всю одежду. Огнепоклонник тоже снял с головы шапку, а носорог скинул с себя кожу и, перебросив её через плечо, спустился к берегу. Он задумал искупаться. В те дни кожа застёгивалась у него под шеей на три пуговицы и очень походила на непромокаемое пальто. Носорог ничего не сказал Парсу о пироге, ведь ни прежде, ни после он не умел себя вести. Он вошёл в воду, погрузился в неё с головой и стал пускать носом пузыри. А его кожа тем временем лежала на берегу.

К морю пришёл и Огнепоклонник. Он увидел кожу и улыбнулся такой широкой улыбкой, которая два раза обежала вокруг его лица. Потом он заплясал, три раза обежал вокруг кожи Носорога и наконец потёр руки. После этого он кинулся к своей печке и наполнил шапку крошками сладкого хлеба. Он никогда не ел ничего, кроме хлеба, а крошки никогда не подметал, и потому у него их было превеликое множество. Вернувшись на берег, Огнепоклонник взял кожу Носорога, встряхнул её хорошенечко, поскоблил, потёр, так как она была вся в засохшей грязи, и высыпал на неё сухие, заветрившиеся крошки и несколько подгоревших изюминок. После этого он снова взобрался на вершину пальмы и стал поджидать, когда Носорог выйдет из воды и наденет кожу.

Едва Носорог надел свою кожу и застегнул её на три пуговицы, как ему стало щекотно. Крошки кололи его, царапали его тело... Знаешь, как бывает, когда ты просыпаешь крошки на простыню в постели? Носорог вздумал почесаться, но от этого ему стало только хуже. Он лёг на песок и стал кататься по нему, но каждый раз, когда он переворачивался, крошки беспокоили его всё больше и больше. Чтобы избавиться от напасти, он подбежал к пальме и начал тереться о её ствол. Он так усиленно и так долго тёрся о пальму, что кожа на его спине сморщилась, образовав большую складку. Другая складка появилась внизу, там, где были пуговицы (они оторвались, пока он катался по песку и тёрся о деревья). Сморщилась кожа и на его ногах. Ох и рассердился же Носорог, вот только крошкам и дела не было до его настроения. Они так и оставались под кожей и продолжали покалывать его тело. Наконец Носорог, рассерженный и весь исцарапанный, ушёл домой. С тех пор и до нынешнего дня у каждого носорога на коже складки, и у каждого носорога очень дурной характер – и всему виной крошки.

А Огнепоклонник спустился с пальмы. На его голове по-прежнему сияла шапка, ярче которой не было на всём ярком Востоке. Он прихватил свою печку с плитой и пошёл по направлению к Оротово, Амигдала, к травянистым плоскогорьям Авантариво и к болотам Сонапута.

Слон-дитя

Много-много лет тому назад у Слона не было хобота – только чёрненький толстый нос, величиной с сапог. И хотя нос этот прекрасно поворачивался из стороны в сторону, но вот взять им что-то было нельзя. В это же время жил на свете очень-очень молодой Слон, проще сказать – Слонёнок. Он был страшно любопытен, а потому вечно всем задавал всевозможные вопросы. Жил он в Африке, и никто в этой поистине обширной местности не мог удовлетворить его любопытства. Он спрашивал Страуса, который приходился ему дядей, почему самые лучшие перья растут у него на хвосте, и каждый раз вместо ответа получал хорошую взбучку. У своей высокой тётки Жирафы Слонёнок спрашивал, почему вся её шкура в пятнах и откуда они вообще появились, – в ответ она лягала его, больно-пребольно ударяя своим твёрдым-пре твёрдым копытом. И всё-таки Слонёнок продолжал всё время любопытствовать... Толстую тётку Гиппопотамиху он спросил, почему у неё такие красные глаза, за что она ударила его своей толстой-претолстой ногой. Тогда он спросил своего мохнатого дядю Бабуина, почему у дынь дынный вкус, – и мохнатый дядя Бабуин шлёпнул его своей волосатой-преволосатой лапой. Но Слонёнка всё равно переполняло ненасытное любопытство. Он расспрашивал обо всём, что видел, слышал, чуял, осязал или обонял, и все дяди и тётки Слонёнка только и делали, что толкали да били его. Впрочем, все их тумачи были напрасны – Слонёнок не унимался.

Как-то, в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, любопытный Слонёнок задал новый вопрос, которого раньше никогда не задавал. Он спросил: «Что подают Крокодилу на обед?» И все воскликнули: «Тссс!» – а потом принялись колотить его что есть силы.

Наконец, когда наказание окончилось, Слонёнок увидел птицу Колоколо: она сидела в самом центре колючего тернового куста, на котором словно было написано «Не подходи!». Но Слонёнка не испугал и терновый куст – так ему хотелось получить ответ на свой вопрос. Поэтому он обратился к птице Колоколо с такими словами:

– Мой отец бил меня, моя мать била меня, мои тётки и дядьки меня колотили, и всё за то, что я так ненасытно любопытен. Но мне всё-таки хочется знать – что Крокодил ест за обедом?

Колоколо-птица печально вскрикнула и сказала:

– Пойди к берегам большой серовато-зелёной зловонной реки Лимпопо, окаймлённой деревьями, на ветвях которых гнездится лихорадка, воды которой мутные и сонные, и тогда ты всё узнаешь.

На следующее же утро, когда от равноденствия не осталось и следа, любопытный Слонёнок, взяв сотню фунтов бананов (маленьких, коротких и очень-очень жёлтых), тысячу фунтов стеблей сахарного тростника (лиловых и длинных-предлинных), семнадцать дынь (зелёных и очень хрупких), сказал всем своим дорогим родственничкам:

– Прощайте, я иду к серо-зелёной зловонной и сонной реке Лимпопо, окаймлённой деревьями, от которых веет лихорадкой. И там я увижу, чем обедает Крокодил.

После этого все родственники хорошенько поколотили его – просто так, на счастье, – хотя он очень вежливо просил их этого не делать.

Наконец Слононок отправился в путь. По дороге он ел дыни и бросал корки на землю, ведь поднять-то их он не мог.

Шёл он от города Грегема до Кимберлея, от Кимберлея до области Кама, от области же Кама направился на север, а потом и на запад и всё время ел дыни. Наконец Слононок пришёл к берегу большой серо-зелёной зловонной реки Лимпопо, затенённой деревьями, от которых веет лихорадкой. Здесь всё было точно так, как сказала птица Колоколо.

Теперь ты должен узнать и понять, что до этой самой недели, до этого самого дня, часа, даже до последней минутки любопытный Слононок никогда не видывал Крокодила и даже не знал, каков он из себя. Оттого-то ему и было так любопытно взглянуть на это создание.

И вот на берегу реки он увидел двухцветного Скалистого Питона. Эта огромная змея лежала, обвив камень.

– Извините за беспокойство, – очень вежливо сказал Слононок, – но, пожалуйста, ответьте мне, не видели ли вы где-нибудь в окрестностях что-нибудь вроде Крокодила?

– Видел ли я Крокодила? – ответил двухцветный Скалистый Питон голосом презрительным и злобным. – Какую ещё глупость ты у меня спросишь?

– Извините, – продолжал Слононок, – но не будете ли вы так любезны и не скажите ли мне, что кушает Крокодил за обедом?

Двухцветный Скалистый Питон быстро развернулся и ударил слоника чешуйчатым, похожим на кнут хвостом.

– Что за странность такая, – сказал Слононок, – мой отец и моя мать, мой дядя и моя тётя, уже не говоря о моей другой тётке, Гиппопотамихе, и моём другом дяде, Бабуине, били меня и лягали меня за моё ненасытное любопытство, а теперь, кажется, опять начинается то же самое.

Он очень вежливо простился с двухцветным Скалистым Питоном, помог ему плотнее обвиться вокруг камня и ушёл. Надо сказать, что Слононку порядочно досталось, но он уже привык к тумакам и не обращал на них внимания. Он отправился дальше, поедая по дороге дыни и бросая корки на землю, так как поднять их ему было нечем. И вот Слононок наступил на что-то такое странное – как ему показалось, на бревно, – лежавшее на самом берегу большой серо-зелёной зловонной реки Лимпопо, окружённой деревьями, от которых веет лихорадкой.

А это и был Крокодил, и Крокодил этот ни много ни мало как подмигнул ему.

– Извините меня, – очень вежливо обратился к нему Слононок, – но не видали ли вы где-нибудь поблизости Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом, приподняв из ила хвост. Слононок учтиво отступил назад – ему не хотелось, чтобы его били.

– Подойди-ка сюда, малыш, – сказал Крокодил. – Почему ты спрашиваешь об этом?

– Прошу извинить меня, – очень вежливо ответил Слононок, – но мой отец бил меня, моя мать меня била – словом, меня били все, не говоря уже о моём рослом дядюшке Страусе и моей высокой тётушке Жирафе, которые лягаются больно-пребольно. Не стану я также упоминать о моей толстой тётке, Гиппопотамихе, и моём мохнатом дяде, Бабуине. Хотя к ним следовало бы и добавить двухцветного Скалистого Питона, который своим чешуйчатым хвостом бьёт больнее остальных... Как бы там ни было, прошу вас не стегать меня своим хвостом.

– Поди сюда, малыш, – протянул Крокодил. – Дело в том, что я и есть Крокодил. – И чтобы доказать, что он говорит правду, Крокодил заплакал крокодиловыми слезами.

Слонёнок перестал дышать от удивления, потом, задыхаясь от радости, опустился на колени и сказал:

– Ах, это прекрасно! Именно вас я искал все эти долгие-долгие дни! Не согласитесь ли вы сказать, что вы кушаете за обедом?

– Подойди поближе, малыш, – сказал Крокодил. – И я шепну тебе это на ушко.

Слонёнок наклонился прямо к зубастой пасти Крокодила, и Крокодил схватил Слонёнка за его короткий нос, который до той самой недели, до того дня, часа и до той минуты был не больше сапога.

– Кажется, – сказал Крокодил (он сказал это сквозь зубы), – кажется, сегодня я начну обед со Слонёнка.

Происходящее Слонёнку очень и очень не понравилось и он сказал в нос:

– Пусти! Мне больно!

В эту самую минуту появился двухцветный Скалистый Питон. Он сказал:

– Мой юный друг, если ты сейчас же не пойдёшь назад и не приложишь к этому максимум сил, я полагаю, твой новый знакомый, покрытый красивой блестящей кожей (он имел в виду Крокодила), утащит тебя в глубину этого прозрачного потока раньше, чем ты успеешь проговорить: «Джек Робинзон».

Не удивляйся, именно так всегда говорят двухцветные Скалистые Питоны.

Слонёнок послушался Скалистого Питона. Он присел на задние ножки и стал выдёргивать свой нос из пасти Крокодила. Он всё дёргал да дёргал, и нос его начал постепенно вытягиваться. Крокодил же держал Слонёнка крепко и бил от усердия по воде своим большим хвостом с такой силой, что она пенилась.

Нос Слонёнка продолжал вытягиваться. Слонёнок расставил все свои четыре ножки, упёрся ими в землю посильнее и не переставал тянуть. И его нос становился все длиннее и длиннее. Крокодил же водил по воде своим хвостом, как веслом, и все тянул да тянул Слонёнка за нос в воду. И каждый раз, как только он дёргал Слонёнка за носик, тот становился длиннее. Слонёнку всё это ужасно не нравилось, потому что носу его было страсть как больно!

Вдруг Слонёнок почувствовал, что его ноги скользят. Ещё немного, и он бы очутился в зловонной реке Лимпопо! Тогда он закричал в нос, вытянувшийся теперь почти на пять футов:

– С меня довольно!

Двухцветный Скалистый Питон подполз к нему поближе, обвил его задние ноги своим толстым, похожим на крепкий корабельный канат хвостом и сказал:

– Неблагодарный и неопытный путешественник, с этой минуты мы всецело посвятим себя одному важному делу – постараемся тянуть твой нос изо всех сил, так как сдаётся мне, что этот самодвижущийся военный корабль с бронёй на верхней палубе (этими словами он обозначал Крокодила) будет мешать твоим дальнейшим движениям.

Ты же помнишь, что все двухцветные Скалистые Питоны выражаются очень странно и

путано?

Двухцветный Скалистый Питон тянул Слонёнка, а Слонёнок тянул свой нос. Крокодил тоже тянул его, но только на себя... Однако Слонёнок и двухцветный Скалистый Питон тянули сильнее, чем Крокодил, и тот наконец выпустил нос малыша, при этом отлетев в воду с таким шумом, что его можно было услышать по всей реке Лимпопо, и вверх, и вниз по течению.

Бедный Слонёнок так и шлепнулся на песок, пребольно при этом ударившись. Тем не менее он вежливо поблагодарил Скалистого Питона, сказав: «Благодарю!» Затем он позаботился о своём бедном носе, за который его так долго дёргали: завернул его в свежие банановые листья и опустил в воду большой серо-зелёной сонной реки Лимпопо.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его двухцветный Скалистый Питон.

– Прошу прощения, – ответил Слонёнок, – но мой нос совсем потерял былую форму, и я жду, когда он вновь станет маленьким и сморщенным.

– Долго же тебе придётся ждать, – ответил двухцветный Скалистый Питон. – Я всё-таки позволю себе заметить, что многие не понимают своих выгод...

Три дня Слонёнок сидел над рекой и ждал, когда его нос станет хоть чуточку меньше. Но нос этот не делался короче. Кроме того, из-за вытянувшегося носа глаза Слонёнка стали немного косить. Теперь тебе понятно, что Крокодил вытянул нос Слонёнка в самый настоящий хобот, вроде тех, какие ты увидишь теперь у всех слонов.

На третий день прилетела Муха Цеце и укусила Слонёнка в плечо. Слонёнок же, сам не понимая, что делает, поднял свой хобот и прихлопнул им Муху.

– Выгода номер один, – сказал двухцветный Скалистый Питон. – Ты не мог бы этого сделать своим носом-сапогом. Ну а теперь попробуй поесть.

Ещё не успев как следует подумать над тем, что он делает, Слонёнок вытянул хобот, сорвал большой пучок травы, поколотил эти зелёные стебли о свои передние ноги, чтобы стряхнуть с них пыль, и наконец засунул их себе в рот.

– Выгода номер два, – сказал двухцветный Скалистый Питон. – Ты не мог бы сделать этого своим носом-сапогом. А теперь скажи, как тебе кажется, не слишком ли печёт солнце?

– Да, – согласился Слонёнок и, ещё не успев подумать, что он делает, зачерпнул из серо-зелёной болотистой реки Лимпопо ила и намазал им голову. Из ила получилась прохладная илистая шляпа, и вода приятно текла за ушами Слонёнка.

– Выгода номер три, – сказал двухцветный Скалистый Питон. – Ты не мог бы сделать этого своим прежним носом-сапогом. Ну а что ты скажешь насчет колотушек, которыми тебя угощали? Опять твои родственнички примутся за старое?

– Прошу извинить меня, – сказал Слонёнок, – но мне совсем не хочется этого.

– Не приятно ли тебе будет поколотить кого-то из них? – спросил Слонёнка двухцветный Скалистый Питон.

– Мне очень хотелось бы этого, – признался Слонёнок.

– Хорошо, – проговорил двухцветный Скалистый Питон, – ты увидишь, как пригодится тебе твой новый нос, когда вздумаешь поколотить им кого-либо.

– Благодарю, – сказал Слонёнок, – я это запомню. А теперь я пойду домой, к моим дорогим

родственникам, и посмотрю, что будет дальше.

Слонёнок действительно пошёл к себе домой через всю Африку, и по дороге он всё время помахивал и крутил своим хоботом из стороны в сторону. Когда ему хотелось поесть плодов с деревьев, он легко доставал их с высоких ветвей. Ему не приходилось, как прежде, ждать, чтобы плоды эти падали на землю. Когда ему хотелось травы, он рвал её прямо с земли, и ему не нужно было опускаться на колени, как он делал это в прежние времена. Когда его кусали мухи, он срывал с дерева ветку и превращал её в опахало. Когда солнце жгло ему голову, он делал себе новую прохладную влажную шляпу из ила или глины. Когда ему становилось скучно, он пел, вернее, трубил своим хоботом, и эта песня звучала громче, чем музыка нескольких духовых оркестров. Он умышленно сделал крик, чтобы повидаться с толстой Гиппопотамихой (по правде сказать, она и не была с ним в родстве), и сильно отколотил её хоботом, чтобы посмотреть, правду ли сказал двухцветный Скалистый Питон. А потом весь остаток пути он подбирал с земли дынные корки, которые побросал по дороге к Лимпопо. Он делал это потому, что был очень опрятным животным из рода Толстокожих.

В один тёмный вечер Слонёнок вернулся к своим дорогим родственникам, свернул кольцом хобот и спросил:

– Как вы поживаете?

Все они были очень рады повидаться с ним и тотчас же сказали:

– Подойди-ка поближе, мы как следует поколотим тебя за твоё неутолимое любопытство.

– Ба, – сказал Слонёнок, – я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас умел драться. Вот я умею колотить на славу и сейчас научу вас этому.

Тут он вытянул хобот и сразу же ударил им двоих из своих милых родственников, да так сильно, что они полетели кувырком.

– Чудеса, – сказали они, – где ты выучился такой штуке? И скажи на милость, что ты сделал со своим носом?

– Крокодил сделал мне новый нос, и это случилось на берегу большой серо-зелёной болотистой и зловонной реки Лимпопо, – ответил Слонёнок. – Я его спросил, что у него бывает на обед, а он за это вытянул мой нос.

– Какое безобразие! – заметил Бабуин, мохнатый дядя Слонёнка.

– Некрасив-то он некрасив, – согласился Слонёнок, – но очень удобен... – И, говоря это, Слонёнок обхватил хоботом одну ногу своего мохнатого дядюшки, поднял его над головой и посадил прямо в осиное гнездо.

И Слонёнок стал таким сердитым, что долго колотил всех своих дорогих родственников, колотил до тех пор, пока им не стало очень жарко. Они были донельзя удивлены. Слонёнок подёргал своего высокого дядю Страуса за хвостовые перья, поймал свою рослую тетушку Жирафу за заднюю ногу и протащил её через колючий терновый куст. Когда его толстая тётка, Гиппопотамиха, покушав, отдыхала в воде, он приставил свой хобот к самому её уху, крикнул что есть силы два-три слова, а потом стал пускать пузырьки. В общем, задал он своим родственничкам жару, но ни сам не обижал, ни кому-либо ещё ни в это время, ни позже не позволял обидеть птицу Колоколо.

Наконец все милые родственники Слонёнка начали так волноваться, что один за другим побежали к берегам большой серо-зелёной болотистой и зловонной реки Лимпопо, затенённой деревьями, от которых веет лихорадкой. Каждый из них хотел получить новый нос

от Крокодила. Когда они вернулись домой, они уже не колотили друг друга. Дядюшки и тётушки не трогали также и Слонёнка. С этого дня у всех слонов, которых ты увидишь, и у всех, которых не увидишь, есть предлинные хоботы, совершенно такие, какой когда-то появился у любопытного Слонёнка.

Шесть верных слуг спешат всегда

По зову моему;

Их имена: Что, Где, Когда,

Кто, Как и Почему.

Я их гоняю день-деньской,

Чтоб всё на свете знать, —

Лишь иногда даю покой,

Чтоб им поесть-поспать.

Пускай, устав от беготни,

Свершив нелёгкий труд

И воротясь домой, они

Немного отдохнут.

Но рядом девочка живёт,

Ей служит много слуг;

Она их поминутно шлёт

На север и на юг.

Без жалости – в туман и мрак,

Привычных ко всему,

Гоняет тыщи Что и Как,

Как появились броненосцы

Теперь я расскажу тебе о том, что случилось в давно-давно прошедшие времена. Так вот, в эти далёкие времена жил да был Колючка-Ёжик. Жил он на берегах большой бурной реки Амазонки, где поедал улиток в раковинах, слизняков и прочие вкусности. Он был очень дружен с Тихоней-Черепашкой, которая тоже жила на берегу Амазонки, ела листики зелёного латука и другие растения. Короче говоря, всё у них было хорошо.

Но в те же самые стародавние времена на берегах бурной реки Амазонки жил Пятнистый Ягуар, который ел всё, что только мог поймать. Когда ему не удавалось поймать оленя или обезьяну, он поедал лягушек и жуков. И вот однажды охота его не задалась, ему не удалось даже проглотить ни одной лягушки, ни одного жука. Опечаленный зверь пошёл к своей Матери-Ягуарихе, и она научила его ловить ежей и черепах. Грациозно помахивая хвостом, она несколько раз повторила:

– Сынок, когда ты увидишь ежа – брось его в воду: там-то он и развернётся. Когда же ты поймаешь черепаху, выцарапай её когтями из панциря.

Совет был и вправду хорош!

В одну прекрасную ночь Пятнистый Ягуар натолкнулся на берегу реки Амазонки на Колючку-Ёжика и Тихоню-Черепашку: два друга сидели под стволом упавшего дерева. Бежать им было некуда, поэтому Колючка-Ёжик свернулся в колючий шар, ведь на то он и был ёжик. Тихоня же втянула голову и лапки под панцирь, ведь на то она и была черепаха. Короче говоря, они поступили умно. Ведь правда?

– Ну-с, прошу обратить на меня внимание, – сказал Пятнистый Ягуар, – дело серьёзное. Моя матушка сказала мне: «Если ты встретишь ежа, брось его в воду, тогда он развернётся. Если ты увидишь черепаху, выцарапай её когтями из панциря». Теперь объясните – кто из вас ёж и кто черепаха? Сам я решительно не могу понять этого.

– А ты хорошо помнишь, что именно сказала тебе твоя матушка? – спросил Колючка-Ёжик. – Хорошо ли ты помнишь её слова? Не сказала ли она, что, выцарапав черепаху из воды, тебе следует бросить этого зверя на панцирь?

– Ты вполне уверен, что тебе сказала твоя мамочка? – вступила в разговор Тихоня-Черепашка. – Ты ничего не путаешь? Может быть, она велела тебе царапать ёжика до тех пор, пока он не развернётся? Не это ли советовала тебе твоя мамочка?

– Кажется, она говорила совсем другое, – протянул Пятнистый Ягуар, уже немного сбитый с толку. – Пожалуйста, повторите, что вы сказали, только выражайтесь яснее, чтобы я всё-всё понял.

– Поцарапав воду лапой, ты должен распрямить когти ежом, – сказал Колючка. – Запомни: это очень важно.

– Но, – прибавила Черепашка, – когда ты схватишь когтями мясо, ты уронишь его в Черепашку.

Как ты этого не понимаешь?!

– Я ровным счётом ничего не понимаю, – ответил Пятнистый Ягуар, – кроме того, я у вас не спрашивал совета. Я только хотел знать, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

– Этого я рассказывать тебе не стану, – сказал Колючка. – Но если желаешь, выцарапай меня из моего панциря.

– Ага, – сказал Пятнистый Ягуар, – теперь мне понятно: ты – Черепаха. А ты думала, я этого не пойму? Ну-ка!..

Пятнистый Ягуар быстро протянул свою мягкую лапу, как раз в ту минуту, когда Ёжик свернулся в колючий шар. И конечно, иглы жестоко искололи лапу Ягуара. Хуже того, Пятнистый Ягуар катил Колючку всё дальше и дальше по лесу и наконец закатил Ёжика в такие тёмные и густые кусты, что никак не мог найти его. Опечаленный Ягуар сунул в рот исколотую лапу, но она заболела только сильнее прежнего. Он сказал:

– Теперь я понимаю: это была совсем не Черепаха. Но... – Тут он почесал в затылке здоровой лапой. – Как узнать, что другой зверёк – точно Черепаха?

– Да, я Черепаха, – проговорила Тихоня. – Твоя матушка сказала совершенную правду. Она велела тебе выцарапать меня из панциря. Начинай же!

– А минуту тому назад ты говорила совсем другое, – сказал Пятнистый Ягуар, высасывая из лапы застрявшие в ней колючки. – Ты говорила, что мать учила меня чему-то другому.

– Хорошо, предположим, ты сказал, что я сказала, будто она сказала что-то совсем другое, но какая же в этом разница? Ведь если она сказала то, что ты сказал, будто она сказала, выходит совершенно, что как будто я сказала то же самое, что она сказала. С другой стороны, если тебе кажется, будто она велела тебе развернуть меня ударом лапы, а не кинуть в реку вместе с моим панцирем, я уже ни в чём не виновата. Я здесь совершенно ни при чём, ведь так?

– Да ведь ты же хотела, чтобы я выцарапал тебя из твоего панциря? – заметил Пятнистый, словно раскрашенный кистью Ягуар.

– Подумай-ка хорошенько, и ты поймёшь, что я не говорила ничего подобного. Я сказала, что твоя матушка советовала тебе выцарапать меня когтями из моего панциря, – сказала Тихоня.

– А что тогда будет? – спросил её Ягуар и осторожно понюхал воздух.

– Не знаю, ведь меня до сих пор ещё никогда не выцарапывали из моего панциря. Но, по правде говоря, если тебе хочется видеть, как я плаваю, брось меня в воду.

– Я не верю тебе, – ответил Пятнистый Ягуар. – Вы оба говорили вздор, перепутали всё, чему учила меня мама, и я совсем сбился с толку и, кажется, не знаю, стою ли я на голове или на своём пятнистом хвосте. Вот теперь ты говоришь мне слова, которые я могу понять, но это не помогает мне, а только ещё больше прежнего путает. Я отлично помню, что моя матушка велела одного из вас бросить в воду... Ну, раз ты так просишь бросить тебя в реку, мне кажется, в глубине души ты не желаешь, чтобы я это сделал. Итак, прыгай в воду Амазонки, да скорее!

– Предупреждаю, твоя мамочка не останется довольна твоим поступком. Смотри же, скажи ей, что я тебя предупредила и никогда не говорила, что она говорила...

– Если ты скажешь ещё хоть слово о том, что говорила моя мамочка... – начал было Ягуар,

но не успел договорить, потому что Тихоня спокойно нырнула в Амазонку, долго плыла под водой и вылезла на берег в том самом месте, где её поджидал Колючка.

– Мы едва не погибли! – воскликнул Ёжик. – Откровенно говоря, мне не нравится этот Пятнистый Ягуар. Что ты ему сказала о себе?

– Я честно сказала ему, что я – Черепаха. Но он не поверил, заставил меня броситься в воду, чтобы увидеть, кто я такая. Я оказалась Черепахой, и он очень удивился. Теперь он побежал к своей мамочке рассказывать о случившемся. Слышишь его голос?

Было слышно, как на берегу бурной и шумной реки Амазонки, среди деревьев и кустарников, ревет Ягур, и его Мамочка-Ягуариха услышала голос сына и прибежала ему на помощь.

– Ах, сынок, сынок, – сказала она и несколько раз грациозно махнула хвостом. – Я вижу, что ты сделал что-то, чего тебе не следовало делать. Признавайся!

– Я постарался выцарапать когтями зверька, который сказал, что желает быть выцарапанным из своего панциря, и теперь в моей хорошенькой лапке засели иголки, – пожаловался Пятнистый Ягуар.

– Ах, сынок, сынок, – вздохнула Ягуариха и опять несколько раз грациозно махнула хвостом, – раз в твоей лапе торчат иголки, значит, ты наткнулся на Ёжика. Вот его-то и следовало бросить в воду.

– Я кинул в реку другого зверька, он назвался Черепахой. Я ему не поверил, но это действительно была Черепаха. Она нырнула в Амазонку и до сих пор не показалась на поверхности. Мне же нечего есть, и я думаю – не лучше ли нам переселиться на новую квартиру? Звери на берегу Амазонки слишком умны и хитры для меня, бедного.

– Сынок, сынок, – сказала Ягуариха и ещё несколько раз помахала хвостом. – Слушай меня и хорошенько запомни мои слова. Ёж сворачивается клубком, и его иглы торчат во все стороны. Теперь ты легко узнаешь Ёжика.

– Мне совсем не нравится эта пожилая дама, – сказал Ёжик-Колючка, сидевший в тени большого листа. – Что ещё она знает?

– Черепаха не может сворачиваться клубком, – продолжала Ягуариха, по-прежнему помахивая хвостом. – Она только прячет лапки и голову в свой панцирь. Черепаху легко узнать.

– Эта старая дама мне совсем-совсем не нравится, – сказала Тихоня. – Даже Пятнистый Ягуар не забудет таких простых советов. Как жаль, Колючка, что ты не умеешь плавать!

– Пожалуйста, помолчи, – сказал Ёжик. – Лучше подумай, как было бы хорошо, если бы ты могла сворачиваться в шар. Ну, заварилась каша! Ты только послушай, что говорит Ягуар.

А Пятнистый Ягуар сидел на берегу бурной реки Амазонки, высасывая из лапы иглы Ёжика, и повторял:

– Не может сворачиваться клубком, но плавает – это Тихоня-Черепаха; сворачивается клубком, но не плавает – Колючка-Ёжик.

– Этого он ни за что не забудет, – сказал Колючка-Ёжик. – Поддерживай меня под подбородок, Тихоня, я попробую на учиться плавать. Умение это может оказаться полезным.

– Превосходно, – обрадовалась Тихоня и, пока Колючка барахтался в воде Амазонки, поддерживала его, чтобы он не утонул.

– Ты скоро научишься плавать, – сказала Черепаха. – Теперь, если ты немножко распустишь шнурки, на которых держится мой верхний щит, я посмотрю, не удастся ли мне свернуться в шар. Это может оказаться полезным.

– Очень хорошо.

Ёжик раздвинул спинные пластины панциря Черепахи, и, как следует постаравшись, Тихоне действительно удалось согнуться.

– Превосходно, – сказал Колючка, – но на твоём месте я отдохнул бы немного. А то, смотри, твоя мордочка совсем посинела от натуги! Пожалуйста, отведи меня в воду, и я попробую плавать боком. Ведь ты говорила, что это так легко.

И Колючка снова стал учиться плавать. Тихоня всё время держалась рядом.

– Отлично! – воскликнула Черепаха. – Ещё поучишься – и будешь плавать, как Кит. Теперь, пожалуйста, распусти мой корсетик ещё немного, и я попробую наклониться вперёд. Вот удивится-то Пятнистый Ягуар!

– Прелестно, – сказал Ёжик, отряхиваясь. – Право, я принял бы тебя за зверька нашей породы. Ты, кажется, велела распустить твой корсет ещё немного? Пожалуйста, побольше выразительности в движениях и не ворчи так громко, не то Пятнистый Ягуар услышит. Теперь давай я попробую нырять. Вот удивится-то Пятнистый Ягуар!

И Колючка-Ёжик нырнул. Тихоня-Черепаха нырнула следом.

– Вот здорово! – воскликнула Тихоня. – Тебе осталось только научиться задерживать дыхание, и ты сможешь построить себе дом на дне бурной Амазонки. Теперь я попробую свернуться ещё сильнее, чтобы задние лапки доставали уши, – по твоим словам, это такое приятное положение. Вот удивится-то Пятнистый Ягуар!

– Великолепно, – похвалил Черепашку Колючка, – но теперь твои спинные чешуйки немного расходятся, они все приподнялись и не лежат одна рядом с другой.

– Ничего, это от упражнений, – сказала Тихоня. – Я заметила, что теперь, когда ты сворачиваешься, твои иглы не торчат в разные стороны, а аккуратно лежат, одна к другой, и ты больше похож на ананас, чем на каштановый орех.

– Да? – спросил Колючка. – Они слиплись, потому что я долго пробыл в воде. Вот удивится-то Пятнистый Ягуар!

Так они и продолжали учиться – Ёжик плавать, а Черепаха сворачиваться клубком – и помогать друг другу до самого утра. Когда же солнце поднялось высоко, два друга решили отдохнуть и немного обсохнуть. Тут-то они и заметили, что совсем перестали походить на себя прежних.

– Колючка, – после завтрака сказала Черепаха, – я совсем не такая, как была вчера, и мне кажется, мой новый вид позабавит Пятнистого Ягуара.

– Ровно то же самое и я подумал, – сказал Ёжик, – и нахожу, что чешуйки гораздо лучше, чем иголки. Я не говорю уже о том, как здорово уметь плавать. Да уж, Пятнистый Ягуар очень удивится. Пойдём к нему скорее!

Через некоторое время они наткнулись на Пятнистого Ягуара. Он всё ещё возился со своей исколотой лапой, пытаясь вытащить оставшиеся иголки. Увидев Ёжика и Черепаху, Ягуар так изумился, что сделал три шага назад, наступая на свой собственный, как будто раскрашенный кисточкой хвост.

– Здравствуй! – поздоровался Колючка. – Как чувствует себя сегодня твоя прелестная грациозная мамочка?

– Она совершенно здорова, благодарю, – сказал Пятнистый Ягуар. – Но прошу прощения, я не помню твоего имени.

– Как это нехорошо с твоей стороны! – сказал Колючка-Ёжик. – Ведь именно в это самое время ты вчера старался выцарапать меня когтями из моего панциря.

– Да ведь вчера вечером ты был весь в иголках, а теперь на тебе эти странные щитки! – возразил Пятнистый Ягуар. – Я всё очень-преочень хорошо помню. Только посмотри на мою лапу!

– Ты посоветовал мне прыгнуть в бурную Амазонку, надеясь, что я утону, – сказала Тихоня. – Почему же сегодня ты сделался так нелюбезен и совсем потерял память?

– Разве ты не помнишь слов своей матушки? – спросил Колючка и прибавил: – Не сворачивается клубком, но плавает – Ёжик; сворачивается клубком, но не плавает – Черепаха.

С этими словами они оба свернулись клубками и стали кататься вокруг Пятнистого Ягуара, и так долго они катались, что у него закружилась голова, а глаза его стали круглыми и огромными, как колеса у телеги.

Не выдержав, Ягуар помчался к своей мамочке.

– Мама, – сказал Ягуар, – сегодня я видел в лесу двух не обычных зверьков. И знаешь ли, тот, о котором ты говорила, что он не может плавать, на самом деле плавает. Тот же, о котором ты говорила, что он не умеет сворачиваться клубком, – сворачивается. Кроме того, они, кажется, поделили между собой иголки, а ведь прежде один из них был гладкий, а второй – колючий-колючий. И ещё: эти зверьки всё время катаются, катаются, катаются... Так, что у меня голова кругом!

– Ах, сынок, сынок, – вздохнула Ягуариха, грациозно помахивая хвостом, – Ёжик всегда останется ежом и не может быть ничем, кроме ежа. Черепаха и есть черепаха и никогда не делается другим зверьком.

– Но это уже не Ёжик и не Черепаха. Эти зверьки похожи и на ежей и на черепах, и у них нет названия.

– Какой вздор! – сказала Ягуариха. – У каждого существа и у каждой вещи есть своё собственное название. На твоём месте я до поры до времени называла бы их броненосцами – вот и всё. Кроме того, я оставила бы их в покое.

Пятнистый Ягуар исполнил совет матери и оставил в покое необычных зверьков. Но вот что странно, с этого дня и до нашего времени никто из живущих на берегах бурной реки Амазонки не называет Тихоню и Колючку иначе, чем броненосцами. В других местах много ёжиков и черепах, но истинные, умнейшие существа, покрытые чешуйками, лежащими одна над другой, – это ежи и черепахи прежних времён, те, что некогда жили на берегах Амазонки, а теперь называются броненосцами. Их зовут так, потому что они были необыкновенно умны и находчивы.

Значит, всё кончилось хорошо, ведь правда?

Я в Бразилию не плавал,

Амазонки не видал,

В тёплом Рио-де-Жанейро

Апельсинов не едал.

Вот куплю билет и сяду

На трёхтрубный пароход —

И поеду я в Бразилию,

Разноцветную Бразилию,

Расчудесную Бразилию,

Где бананы – круглый год!

Я не гладил ягуара,

Крокодилов не встречал,

Но всю жизнь по крокодилам

Почему-то я скучал.

Неужели же взаправду

Я до Рио доплыву —

И далёкую Бразилию,

Разноцветную Бразилию,

Расчудесную Бразилию

Увижу наяву?!

Как было написано первое письмо

Очень-очень давно жил на свете первобытный человек. Жил он в пещере, не носил почти никакой одежды, не умел ни читать, ни писать, да ему совсем и не хотелось учиться. Человек

этот не чувствовал себя счастливым лишь тогда, когда бывал голоден. Звали его Тегумай Бопсулай, и это имя значило «Человек, который никогда не спешит». Но мы с тобой будем его звать просто Тегумай – так короче. Жену его звали Тешумай Тевиндрой, что значит «Женщина, которая задаёт много вопросов». Мы же с тобой будем звать её Тешумай – так короче. Их маленькую дочку звали Тефимай Металлумай, что значит «Маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлёпать». Но мы с тобой будем её звать просто Тефи. Тегумай очень любил свою дочку, да и Тешумай тоже очень её любила, поэтому Тефи шлёпали редко, хотя делать это можно было бы и почаще. Все они были очень счастливы. Едва Тефи научилась ходить, она стала повсюду бегать за своим отцом, Тегумаем. Иногда они долго не возвращались в пещеру и приходили домой, только изрядно проголодавшись. Тогда Тешумай говорила:

– Откуда это вы пришли такие грязные? Право, мой Тегумай, ты не лучше моей Тефи.

Ну а теперь слушай повнимательнее.

Как-то раз Тегумай Бопсулай пошёл через болото, в котором водились бобры, к реке Вагаи.

Он хотел наловить острой карпов на обед. С ним пошла и Тефи. Острога Тегумая была деревянной, а наконечник был сделан из акульего зуба. Не успев как следует поохотиться, он так сильно ударил острой в речное дно, что она сломалась пополам. Тегумай и Тефи были очень-очень далеко от дома и, понятно, принесли с собой в маленьком мешке завтрак, а вот запасных острог Тегумай не захватил.

– Вот так наловил рыбы! – воскликнул Тегумай. – Теперь мне целый день придётся провозиться с починкой сломанной остроги.

– Дома осталось твоё большое чёрное копье, – сказала Тефи. – Хочешь, я сбегая к нам в пещеру и попрошу маму дать мне его?

– Это слишком далеко. Твои маленькие пухлые ножки устанут, – сказал Тегумай. – Кроме того, ты можешь упасть в болото и утонуть. Попробуем как-нибудь обойтись.

Он сел на землю, вынул из-за пояса маленький кожаный мешочек, в котором лежало всё необходимое для починки – жилы северных оленей, полоски кожи, куски пчелиного воска, смола, – и принялся за починку остроги. Тефи тоже села на землю и болтала ножками в воде. Подперев подбородок рукой, она сильно задумалась, а подумав, сказала:

– Знаешь, папа, ужасно неудобно, что мы с тобой не умеем писать. Если бы мы умели, мы могли бы послать письмо маме и попросить прислать нам новую острогу.

– Тефи, – заметил Тегумай, – сколько раз говорил я тебе, что не следует грубо выражаться – некрасиво говорить «ужасно». Но это правда было бы хорошо, если бы мы могли написать домой.

Как раз в это время на берегу реки показался Незнакомец. Он принадлежал к жившему далеко-далеко отсюда племени, называвшемуся тевара, и не понял ни слова из разговора Тегумая с дочерью. Он остановился на берегу и улыбнулся Тефи, потому что у него самого дома была маленькая дочка. Между тем Тегумай вынул моток оленьих жил из кожаного мешочка и стал чинить свою острогу.

– Слушай, – сказала Тефи Незнакомцу, – знаешь ли ты, где живёт моя мамочка?

– Гум, – ответил человек, ведь, как ты знаешь, он был из племени тевара.

– Какой глупый! – воскликнула Тефи и топнула ножкой.

Ей было досадно, потому что она видела, как целая стая крупных карпов идёт вверх по течению, а её отец не может поймать без своей остроги ни одной рыбы.

– Не надоедай взрослым, – сказал Тегумай.

Он был так занят починкой остроги, что даже не повернулся.

– Да я не надоедаю, – возразила Тефи. – Я только хочу, чтобы он помог нам, а он не понимает.

– В таком случае не надоедай мне, – сказал Тегумай и продолжал дёргать и вытягивать оленьи сухожилия, забирая в рот концы.

Незнакомец сел на траву, и Тефи ему показала, что делал её отец.

Человек из племени тевара подумал: «Какой удивительный ребёнок! Она топнула на меня ногой, а теперь строит мне гримасы. Вероятно, она дочь этого благородного вождя, который так важен, что не обращает на меня внимания».

И он особенно вежливо улыбнулся им обоим.

– Теперь, – сказала Тефи, – поди к моей маме. Твои ноги длиннее моих, и ты не упадёшь в болото, где живут бобры. Я хочу, чтобы ты попросил у неё папино копье, большое, с чёрной рукояткой. Оно висит над очагом.

Незнакомец из племени тевара подумал: «Это очень-очень странная маленькая девочка. Она размахивает руками и кричит мне что-то совершенно непонятное. Между тем, если я не исполню её желания, важный вождь, человек, который сидит спиной ко мне, пожалуй, рассердится».

Подумав так, Тевара поднялся с земли, содрал с берёзы большой кусок коры и протянул его Тефи. Он сделал это для того, чтобы показать: его сердце чисто, как береста, и у него нет злых намерений. Тефи же неправильно поняла его.

– А... вижу! – обрадовалась она. – Ты хочешь знать адрес моей мамы? Правда, я не могу писать, но я умею рисовать картинки, если у меня есть в руках что-нибудь острое. Пожалуйста, дай мне на время акулий зуб из твоего ожерелья.

Тевара ничего не сказал. Тогда Тефи протянула маленькую ручку и дёрнула за висевшее на его шее прекрасное ожерелье из бисера, жемчуга и зубов акулы.

Незнакомец (помнишь, что он – тевара?) подумал: «Какой удивительный ребёнок. Акулий зуб в моём ожерелье – зуб волшебный, и мне всегда говорили, что тот, кто без моего позволения дотронется до него, немедленно распухнет или лопнет. Между тем эта маленькая девочка не раздувается и не лопаётся, а важный вождь, человек, который занимается своим делом и ещё не обратил на меня внимания, кажется, совсем не боится за неё. Буду-ка я ещё вежливее».

И он дал Тефи зуб акулы. Она тотчас легла на животик, задрав ножки, как это делают некоторые знакомые мне девочки на полу гостиной, когда рисуют в своей тетрадке.

– Теперь я нарисую тебе несколько прехорошеньких картинок, – сказала Тефи. – Смотри через моё плечо, только не толкай меня. Прежде всего я нарисую, как мой папа ловит рыбу. Видишь, он вышел не очень хорошо, но мама его узнает, потому что я нарисовала его сломанную острогу. Теперь нарисую копье, то, которое ему нужно, с чёрной рукояткой. У меня получилось, что копье торчит у папы из спины, но это только потому, что акулий зуб скользнул, а кусок бересты недостаточно велик. Мне хочется, чтобы ты принёс сюда это

копье. Я нарисую себя, и мама увидит, как я объясняю тебе, что именно нужно сделать. Мои волосы не торчат дыбом, как вышло на картинке, но иначе я не могла нарисовать их. Вот и ты готов. Ты мне кажешься очень красивым, но я не могу нарисовать тебя таким – не обижайся, пожалуйста. Ты не обиделся?

Незнакомец (тевара) улыбнулся. Он подумал: «Вероятно, где-то должна произойти великая битва, и этот странный ребёнок, который взял волшебный зуб акулы, но не раздувается и не лопаётся, просит меня позвать народ на помощь великому вождю. Он, конечно, великий вождь, не то, без сомнения, заметил бы меня».

– Смотри, – сказала Тефи, продолжая усиленно выцарапывать рисунки, – вот я нарисовала тебя и вложила в твою руку ту самую острогу, которая нужна папе. Я сделала это, чтобы ты не забыл моей просьбы. Теперь я покажу тебе, как отыскать место, где живёт моя мама. Ты пойдёшь всё время прямо и прямо, до двух деревьев... Видишь, вот эти деревья. Потом ты поднимешься на холм и спустишься с него... Видишь, вот и холм. После холма ты увидишь болото, в котором живут бобры. Я не нарисовала бобров целиком – это для меня слишком трудно, – я нарисовала их круглые головы. Впрочем, пробираясь через болото, ты только и увидишь их головы. Смотри, не упави в топь! Наша пещера сразу же за болотом. На самом деле она не так высока, как горы, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Около неё моя мама. Она очень красивая. Она самая красивая мамочка в мире, но не обидится, когда увидит, что я нарисовала её не такой уж красивой, напротив, она останется довольна, ведь я могу рисовать. Вот здесь копье, которое нужно папе. Я нарисовала его подле входа в пещеру, чтобы ты не забыл о нём. По-настоящему-то оно внутри пещеры. Ты покажи картинку моей маме, и она даст тебе копье. Я нарисовала маму с поднятыми руками, так как знаю, что она обрадуется, когда ты придёшь. Ну разве это не отличная картинка? И хорошо ли ты понял всё – или лучше ещё раз объяснить тебе, что значат мои рисунки?

Незнакомец (он был из племени теvara) посмотрел на картинку и несколько раз кивнул.

Он подумал: «Если я не позову всё племя на помощь этому великому вождю, его убьют враги, которые бегут к нему со всех сторон с копьями в руках. Теперь я понимаю, почему великий вождь делает вид, будто не замечает меня. Он боится, что враги, которые прячутся в кустах, увидят, как он даёт мне какое-то поручение. Поэтому он и повернулся ко мне спиной и приказал умной и удивительной маленькой девочке нарисовать страшную картинку, чтобы всем стало ясно, в какую беду он попал. Я пойду и приведу к нему на помощь его племя».

Тевара даже не спросил у Тефи, куда надо идти. Он быстро, как ветер, кинулся в чащу, унося с собой бересту. Тефи села на землю: она была довольна.

– Что ты там делала, Тефи? – спросил Тегумай. Он уже починил свою острогу и размахивал ею в воздухе.

– Я кое-что придумала, папа, – ответила Тефи. – Если ты не будешь меня расспрашивать, ты скоро сам всё узнаешь и очень удивишься. Ты не можешь себе представить, до чего ты удивишься. Обещай мне, что ты обрадуешься!

– Отлично! – ответил Тегумай и пошёл ловить рыбу.

Незнакомец (ведь ты знаешь, он был из племени теvara) бежал очень быстро, сжимая в руках картинку на бересте, бежал, пока случайно не увидел Тешумай Тевиндрой, стоявшую подле входа в свою пещеру. Она разговаривала с другими первобытными женщинами, которые пришли к ней на первобытный завтрак. Тефи была очень похожа на свою мать, особенно глазами и лбом, поэтому Тевара вежливо улыбнулся женщине и передал ей исчерченный кусочек берёзовой коры. Он бежал быстро и потому задыхался, шипы колючих кустарников исцарапали его ноги, но он всё-таки старался быть вежливым.

Как только Тешумай взглянула на рисунок дочери, она громко вскрикнула и кинулась на человека из племени тевара. Другие первобытные дамы сбили его с ног, и все шестеро уселись на нём рядом. Тешумай принялась дёргать его за волосы и причитать.

– Я вижу так же ясно, как длинный нос этого человека, – вскричала мать Тефи, – что он исколол копьём моего бедного Тегумая и напугал мою бедную Тефи, отчего её волосы встали дыбом! Более того, он принёс мне ужасный рисунок, чтобы показать, каким образом он совершил злодеяние. Смотрите! – Тешумай Тевиндра показала картину первобытным дамам, которые терпеливо сидели на человеке из племени тевара. – Смотрите, вот мой Тегумай, – плакала она, – видите, его рука сломана! Вот копьё, торчащее из его спины! Рядом человек, который готовится бросить в него другое копьё. А вот ещё человек, он бросает копьё из пещеры. А вот тут их целая шайка (она показала на головы бобров, которые нарисовала Тефи, действительно похожие на человеческие). Все они бегут за Тегумаем. Разве это не ужасно?

– Ужасно! – согласились подруги Тешумай Тевиндрой и измазали волосы Тевара грязью (что очень его удивило).

Потом они принялись бить в большой священный барабан и таким образом созвали всех вождей племени Тегумая, со всеми их помощниками, помощниками помощников и другими начальниками, а также с жрецами, бонзами, колдунами, шаманами и тому подобными важными особами. Все они единогласно постановили отрубить Незнакомцу голову, но сначала решили заставить его отвести их на берег реки и показать, куда он спрятал бедную маленькую Тефи.

На этот раз Незнакомец (хотя он и был из племени тевара) рассердился. Ил и глина засохли на его волосах, женщины проволокли его по острым камням, а перед этим долго сидели на нём, колотили и толкали его так, что у него дыхание перехватило. И хотя он не понимал ни слова на их языке, однако догадывался, что первобытные дамы обращались к нему не очень-то любезно. Тем не менее он не говорил ни слова, пока не собралось племя Тегумая. Тогда он отвёл их всех к берегу реки Вагаи. Они увидели Тефи, которая плела длинные гирлянды из ромашек, и Тегумая, снимавшего со своей починенной остроги очень маленького карпа.

– Быстро же ты пришёл, – сказала Тефи. – Только зачем ты привёл с собой так много народа? Это мой сюрприз, папа. Ты удивлён?

– Очень, – ответил Тегумай. – Только теперь уже ничего я не поймаю. Зачем сюда пришло всё наше многочисленное славное племя, Тефи?

А на берегу действительно собралось всё, до последнего человека, племя. Впереди выступали Тешумай Тевиндрой и другие женщины. Они крепко держали Незнакомца, волосы которого были покрыты грязью. За женщинами шли главный вождь, вице-вождь, вождь-депутат, вождь-помощник, вооружённые с ног до головы начальники и их заместители, и у каждого был свой отряд. За ними двигались, выстроившись по старшинству, простые люди, начиная с владельцев четырёх пещер (по одной на каждое время года), затем владельцы собственных оленьих упряжек и лососьих заводов, за ними простолюдины, имевшие право обладать половиной медвежьей шкуры, и, наконец, рабы, державшие под мышками кости. Все так страшно кричали и бранились, что распугали рыбу на двадцать миль вокруг. Тегумай очень рассердился и яростно обругал собравшихся самыми грубыми первобытными словами.

Тешумай Тевиндрой подбежала к Тефи, долго целовала её и прижимала к груди. Главный же вождь племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и яростно начал его трясти.

– Объясни, объясни, объясни! – закричали люди.

– Что это?! – возмутился Тегумай. – Отпусти мои перья. Неужели человек не может сломать свою острогу для ловли карпов без того, чтобы на него не накинулось всё племя? Как же вы любите вмешиваться в чужие дела!

– Кажется, вы всё-таки не принесли чёрное копье моего папы, – сказала Тефи. – И что это вы делаете с моим милым Незнакомцем?

И действительно, люди племени Тегумая набрасывались на Тевара по двое, по трое, а то и по десять человек за раз и били, да с такой силой, что у бедняги скоро глаза на лоб полезли. Хватая ртом воздух, он мог только указать на Тефи.

– Где злые люди, которые ранили тебя копьями? – спросила Тешумай Тевиндрой.

– Здесь не было злых людей, – сказал Тегумай. – За целое утро ко мне подошёл только бедный малый, которого вы с такой яростью колотите. Не сошло ли ты с ума, о племя Тегумая?

– Он пришёл к нам с ужасной картинкой, – сказал главный вождь, – на ней ты был весь изранен копьями.

– Гм... Сказать по правде, это я нарисовала картинку и дала её Незнакомцу, – сказала Тефи, которой стало очень неловко.

– Ты?! – закричало племя Тегумая. – Ты, Маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлёпать? Ты?!

– Тефи, дорогая моя, кажется, мы попали в затруднительное положение, – сказал ей Тегумай и обнял её, после чего она сразу же перестала бояться.

– Объясни, объясни, объясни! – закричал главный вождь племени Тегумая и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы Незнакомец сходил в нашу пещеру за папиным чёрным копьем, а потому нарисовала картинку, – сказала Тефи. – Я не хотела рисовать много разных копий. Я думала только об одном и нарисовала его три раза, чтобы он не ошибся. Я не виновата, что вышло так, будто копье торчит в голове папы. Просто на бересте было слишком мало места, а эти человечки, которых мама называет злыми людьми, – бобры. Я нарисовала их, чтобы показать ему дорогу через болото. Когда я рисовала маму, то хотела показать, что она весела и довольна, ведь к ней пришёл милый Незнакомец. А теперь я считаю, что все мы самые глупые люди в мире! Он очень хороший и красивый человек. Ну скажите, зачем это вы вымазали ему волосы илом и глиной? Вымойте его!

После слов Тефи все долго молчали. Наконец главный вождь засмеялся, засмеялся и Незнакомец из племени тевара, Тегумай же расхохотался так, что повалился на траву. Засмеялось и всё племя, и смех их становился всё громче и сильнее. Не смеялись только Тешумай Тевиндрой и остальные первобытные женщины. Они очень вежливо обошлись со своими мужьями – каждая по нескольку раз сказала своему супругу: «Идиот!»

И вот главный вождь племени закричал:

– О Маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлёпать, ты сделала великое открытие!

– Я этого не хотела, мне нужно было только копье с чёрной рукояткой, – ответила Тефи.

– Всё равно. Это великое изобретение, и когда-нибудь люди назовут его умением писать. Пока же это только картинки, и иногда их сложно верно понять. Но наступит время, о ребёнок Тегумая, когда мы будем писать буквы. Тогда мы станем читать так же хорошо, как и писать, и, таким образом, говорить именно то, что желаем сказать, никого не вводя в заблуждение. Первобытные дамы, вымойте волосы Незнакомца.

– Мне всё это очень приятно слышать, – сказала Тефи, – но хотя вы и принесли решительно все копыя племени Тегумая, вы забыли захватить с собой копьё с чёрной рукояткой.

Тут главный вождь прокричал, пропел и проговорил:

– Дорогая Тефи, когда в следующий раз тебе вздумается начертить письмо-картинку, ты лучше поручи отнести свой рисунок кому-нибудь, кто умеет говорить на нашем языке. Мне это всё безразлично, так как я главный вождь, но, как ты сама можешь видеть, люди племени Тегумая стали жертвами недоразумения, да и Незнакомцу не поздоровилось.

После этого племя Тегумая приняло Незнакомца (пусть он и настоящий тевара) в своё племя за то, что он был истинным джентльменом и не скандалил из-за глины, в которой женщины вымазали его волосы. Но с того самого дня и до нынешнего времени (и я считаю, что это вина Тефи) очень немногие маленькие девочки любили или любят учиться читать и писать. Чаще всего им больше нравится рисовать картинки или играть со своими папами, совсем-совсем как Тефи.

Кот, который гулял, где хотел

Ну а теперь слушай хорошенько-хорошенько, ведь всё, что я расскажу сейчас, произошло и случилось, когда наши домашние животные были ещё дикими. Собака была дикой, Лошадь была дикой, Корова была дикой, Овца была дикой, Свинья была дикой. Все они были совсем-совсем дикими животными и расхаживали по сырым диким лесам одни-одинёшеньки и там, где им вздумается. Но самым диким из всех диких животных был Кот. Он разгуливал один, где хотел, и все места были для него одинаковы.

Понятно, Человек был тоже дикий. Страшно дикий. Он не стал ручным, пока не встретил Женщину и она не сказала ему, что ей не нравится вести такую дикую жизнь. Она выбрала хорошую сухую пещеру вместо сырых листьев, прежде служивших ей приютом. Она посыпала пол пещеры чистым песком и в глубине развела большой костёр. Перед входом в пещеру она повесила сухую шкуру дикого коня хвостом вниз.

После этого Женщина сказала Человеку:

– Пожалуйста, мой дорогой, когда тыходишь к нам в дом, вытирай ноги, ведь у нас теперь своё хозяйство.

В первый же вечер они ели поджаренное на горячих камнях мясо дикого барана с приправой из дикого чеснока и дикого перца, а также дикую утку, тушённую с диким рисом, с диким укропом, с богородской травкой и с диким кишнецом. Потом высосали костный мозг из кости дикого быка и всё закусили дикими вишнями и дикими гранатами. Человек был доволен: он, совсем счастливый, заснул перед костром, а его жена села и причесала свои волосы. Потом взяла лопатку барана – большую плоскую кость, – посмотрела на странные, нацарапанные на ней знаки, подбросила хвороста в костёр и начала колдовать. Она запела первую волшебную песню в мире.

А там, в сырых диких лесах, дикие животные собрались в том месте, откуда они могли видеть свет костра, и раздумывали, что бы это могло быть.

Наконец Дикая Лошадь топнула дикой ногой и сказала:

– О мои друзья, о мои враги, зачем Человек и его жена развели этот большой огонь в своей большой пещере? Какой вред это принесёт всем нам?

Дикая Собака подняла свой дикий нос, почуяла запах жареной баранины и сказала:

– Я пойду посмотрю, разузнаю всё и обо всем вам расскажу. Мне кажется, в пещере что-то хорошее. Кот, пойдём со мной.

– Нет, нет, – ответил Кот, – я Кот, и гуляю совсем один там, где мне хочется, и для меня все места одинаковы. Не пойду я с тобой.

– Ну в таком случае мы никогда не будем дружить, – ответила ему Дикая Собака и отправилась к пещере.

Но, когда она немного отбежала, Кот мысленно сказал себе: «Ведь все места для меня одинаковы. Почему бы и мне не отправиться к пещере, не посмотреть, что там происходит, и не уйти, когда вздумается?»

Итак, он скользнул вслед за Дикой Собакой, крался тихо, очень тихо и спрятался подле пещеры в таком месте, откуда мог всё услышать.

Дикая Собака подошла к входу в пещеру, носом подняла конскую шкуру и втянула ноздрями манящий запах жареной баранины. Женщина, которая смотрела на кость, услышала шорох, засмеялась и сказала:

– Вот первый. Дикий Зверь из диких лесов, что тебе нужно?

Дикая Собака ответила:

– О мой враг и жена моего врага, что это так хорошо пахнет в диком лесу?

Женщина взяла поджаренную кость барана, бросила её Дикой Собаке и сказала:

– Дикий Зверь из дикого леса, погрызи, попробуй.

Дикая Собака стала грызть кость и нашла, что ей еще никогда не приходилось есть таких вкусных вещей. Поев, Собака сказала:

– О мой враг и жена моего врага, дай мне ещё кость!

Женщина на это ответила:

– Дикий Зверь из дикого леса, днём помогай моему мужу охотиться, а ночью сторожи его пещеру, тогда я буду давать тебе столько жареных костей, сколько ты захочешь.

«Ага, – подумал слышавший весь разговор Кот, – это очень умная Женщина, но она глупее меня!»

Дикая Собака вошла в пещеру, положила голову на колени Женщины и сказала:

– О мой друг и жена моего друга, днём я буду помогать Человеку охотиться, а ночью стану сторожить вашу пещеру.

«Ах, – подумал слышавший всё Кот, – как глупа Собака!»

Он ушёл обратно в дикий сырой лес, помахивая диким хвостом, долго бродил, одинокий и дикий, и ничего никому не сказал.

Через некоторое время Человек проснулся и спросил:

– Зачем здесь Дикая Собака?

Его жена ответила:

– Этот зверь уже не называется Дикой Собакой. Его имя – Первый Друг. Собака станет нашим другом и останется нашим другом навсегда, навсегда, навсегда. Когда ты пойдёшь охотиться, позови её с собой.

На следующий вечер Женщина принесла большую охапку свежей травы с заливных лугов и высушила её перед костром. От травы пошёл запах свежего сена. Жена Человека села подле входа в пещеру, сплела из кожи уздечку, посмотрела на баранью лопатку, на большую плоскую баранью лопатку, и стала колдовать. Она запела вторую волшебную песню в мире.

Там, в глубине дикого леса, дикие животные удивлялись, что случилось с Дикой Собакой. Наконец Дикая Лошадь топнула дикой ногой и сказала:

– Я пойду и разузнаю всё, и расскажу вам, почему Дикая Собака не вернулась. Кот, пойдём со мной!

– Нет, нет! – сказал Кот. – Я – Кот, гуляю один, и все места для меня одинаковы. Я не пойду с тобой.

А всё-таки он пошёл за Лошадью, он крался за ней тихо, мягко, очень мягко ступая, и спрятался там, откуда мог слышать всё.

Когда до слуха Женщины донёсся топот Дикой Лошади, спотыкавшейся о свою длинную гриву, она засмеялась и сказала:

– Вот пришёл и второй. Дикое Существо из дикого леса, чего ты хочешь?

Дикая Лошадь ответила:

– О мой враг и жена моего врага, где Дикая Собака?

Женщина засмеялась, подняла баранью лопатку, посмотрела на неё и сказала:

– Дикая Лошадь из дикого леса, ты пришла сюда не за Собакой, а вот за этой вкусной травой.

Дикая Лошадь, спотыкаясь о свою длинную гриву, сделала ещё несколько шагов вперёд и сказала:

– Правда! Покорми меня своей травой.

Жена Человека сказала:

– Дикая Лошадь из дикого леса, наклони свою дикую голову. Носи то, что я на тебя наброшу, и ты будешь трижды в день есть самую хорошую траву.

«Ага, – сказал слышавший весь разговор Кот. – Это умная Женщина, но она не так умна, как я».

Дикая Лошадь наклонила свою дикую голову, и Женщина накинула на неё уздечку. Тогда Дикая Лошадь дохнула на ноги Женщины и сказала:

– О моя госпожа и жена моего господина, я буду служить тебе ради этой чудесной травы.

«О, – сказал слышавший всё Кот, – какая глупая Лошадь!» И он пустился по сырому дикому лесу и, помахивая своим диким хвостом, разгуливал, где хотел, а сам был дикий и одинокий. И он никому ничего не сказал.

Когда Человек и Собака вернулись с охоты, Человек спросил:

– Что здесь делает Дикая Лошадь?

А его жена ответила:

– Её уже не зовут Дикой Лошадью. Нет, она наша Первая Служительница и будет переносить нас с места на место всегда, всегда и всегда. Когда ты отправишься на охоту, садись на её спину и поезжай.

На следующий день Дикая Корова, высоко подняв свою дикую голову, чтобы не зацепиться своими дикими рогами за дикие деревья, пришла к пещере. А Кот пришёл за ней следом и спрятался там же, где и прежде. Случилось всё, как и прежде, и Кот сказал всё, что говорил прежде, а когда Дикая Корова обещала Женщине каждый день давать молоко в обмен на чудесную траву, Кот пошёл через дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, одинокий и дикий, разгуливал всё так же, как и прежде. И никому ничего не сказал.

Вот вернулись Человек, Лошадь и Собака, и муж Женщины задал ей прежние вопросы. Она же ответила:

– Её больше не зовут Дикой Коровой, теперь она Наша Кормилица и всегда, всегда, всегда будет давать нам тёплое белое молоко. Я же стану заботиться о ней, пока ты, наш Первый Друг и твоя Первая Служительница будете охотиться.

На следующий день Кот ждал, чтобы ещё кто-нибудь из диких зверей пошёл к пещере, но все они остались в диком сыром лесу. Поэтому Кот пошёл к пещере один.

Он видел, как Женщина подоила Корову. Видел свет от костра в пещере. Почуял запах тёплого белого молока.

Кот спросил:

– О мой враг и жена моего врага, где Дикая Корова?

Женщина засмеялась и ответила:

– Дикий Зверь из дикого леса, возвращайся в чащу, потому что я заплела свои волосы и отложила волшебную баранью лопатку. Кроме того, нам не нужно больше ни друзей, ни слуг.

Кот сказал:

– Я не друг, я не слуга. Я – Кот, разгуливаю один, где мне нравится, и хочу войти в вашу пещеру.

Женщина его спросила:

– Так почему же ты не пришёл сюда с Первым Другом в первый вечер?

Кот сильно рассердился и сказал:

– Не наговорила ли тебе Дикая Собака обо мне всякой ерунды?

Женщина опять засмеялась и ответила:

– Ты – Кот, гуляешь один, где тебе вздумается, и все места для тебя одинаковы. Ты не наш друг и не наш слуга, и сам сказал мне это. Так уходи и гуляй, где тебе вздумается, по тем местам, которые для тебя одинаковы.

Кот притворился опечаленным и проговорил:

– Неужели я никогда не посмею приходить в пещеру? Неужели я никогда не буду сидеть подле тёплого костра? Неужели я никогда не буду пить тёплое белое молоко? Ты очень умна и очень красива, и тебе не следует быть жестокой даже с Котом.

Женщина сказала:

– Я знала, что я умна, но никогда не слышала, что я красива. Давай же договоримся: если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь приходить в пещеру.

– А что будет, если ты два раза похвалишь меня? – спросил Кот.

– Этого никогда не случится, – ответила Женщина. – Но если я два раза похвалю тебя, тебе будет позволено сидеть подле огня в пещере.

– А если ты похвалишь меня в третий раз? – спросил Кот.

– Ни за что! – ответила женщина. – Но если бы так случилось, тебе было бы позволено, кроме всего прочего, пить тёплое молоко по три раза в день. И так было бы всегда, всегда и всегда.

Кот изогнул спину дугой и сказал:

– Пусть же шкура у входа в пещеру, огонь в глубине пещеры и котелки с молоком, которые стоят около огня, запомнят, что сказала жена моего врага.

И он ушёл в сырой дикий лес и, помахивая диким хвостом, долго бродил, одинокий и дикий.

Когда Человек, Лошадь и Собака вернулись домой с охоты, Женщина не рассказала им о договоре, который она заключила с Котом: она боялась, что это им не понравится.

А Кот уходил всё дальше и дальше и долгое время, одинокий и дикий, прятался в диком сыром лесу. Он так долго не показывался подле пещеры, что Женщина забыла о нём. Только Летучая Мышь, маленькая, висевшая вниз головой Летучая Мышка, которая цеплялась задней лапкой за каменный выступ в потолке пещеры, знала, где прятался Кот. Она каждый вечер летала к нему и рассказывала, что делается на свете.

Раз Летучая Мышь сказала Коту:

– В пещере Малютка. Он совсем маленький, розовый, пухлый, и Женщина очень любит его.

– Ага, – сказал Кот. – А что любит Малютка?

– Он любит всё тёплое и мягкое, – ответила Летучая Мышь. – Засыпая, он любит держать в ручках тёплые и мягкие вещи. Он любит также, чтобы с ним играли. Вот что он любит.

– В таком случае, – сказал Кот, – моё время наступило.

На следующий вечер Кот пробрался через сырой дикий лес и до утра прятался около

пещеры. Утром Человек, Собака и Лошадь отправились на охоту. Женщина осталась в пещере готовить еду. Малютка кричал, плакал и мешал ей работать. Она вынесла его из пещеры и дала ему пригоршню камешков, чтобы он играл ими. Но малютка всё равно плакал.

Тогда Кот протянул свою мягкую, бархатную лапку и нежно погладил Малютку по щеке. Ребёнок стал весело гукать. Кот потёрся о его толстые коленки и пощекотал хвостом его круглый подбородок – Малютка засмеялся. Мать услышала этот смех и улыбнулась. Летучая Мышь, маленькая Летучая Мышь, висевшая вниз головой на потолке пещеры, сказала:

– О хозяйка дома, жена хозяина дома и мать сына хозяина дома, Дикий Зверь из дикого леса играет с твоим Малюткой.

– Благословляю этого Дикого Зверя, каков бы он ни был! – сказала Женщина, выпрямляя спину. – Я очень занята, и Дикий Зверёк оказал мне услугу.

В ту же минуту, в ту же секунду – бац! – конская шкура, висевшая хвостом вниз у входа в пещеру, упала. (Она помнила, о чём договорились Женщина с Котом.) И только мать Малютки собралась повесить её обратно, как Кот юркнул в пещеру и удобненько устроился в уголке.

– О мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал Кот, – вот и я! Ты похвалила меня, и с этой поры я всегда, всегда, всегда могу сидеть в пещере. И всё-таки я – Кот, я разгуливаю один, там, где мне нравится, и все места для меня одинаковы.

Женщина сильно рассердилась. Она крепко сжала губы, взяла прялку и начала прясть.

Но ребёнок плакал, потому что Кот ушёл от него, и Женщина не могла успокоить своего Малютку. Он вырывался из её рук, бил её ножками, и его личико посинело от крика.

– О мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал Кот, – возьми кусок нити, которую ты спряла, привяжи её конец к твоей катушке и тащи катушку по полу. Я покажу тебе волшебство, от которого твой Малютка засмеётся так же громко, как теперь плачет.

– Хорошо, – ответила Женщина, – потому что сама я ничего не могу придумать. Только я ни за что уже не поблагодарю тебя.

Она привязала нитку к маленькой глиняной катушке и потащила её по полу. Кот бросился за ней, хватал её лапами, кувыркался, подбрасывал через себя, прокатывал между задними ногами, делал вид, будто потерял её... И снова прыгал на катушку, да так забавно, что Малютка засмеялся так же громко, как недавно плакал, пополз за Котом и стал резвиться на полу пещеры, пока не устал и не лёг спать, обхватив ручонками своего нового друга.

– Теперь, – сказал Кот, – я убаюкаю Малютку песенкой, и он проспит целый час.

И Кот замурлыкал громко и тихо, тихо и громко – и ребёнок крепко заснул. Женщина посмотрела на них обоих, улыбнулась и сказала:

– Ты отлично убаюкал его. Нечего и говорить, умён ты, о Кот.

В эту самую минуту, в эту самую секунду – пуф-пуф! – дым от костра в глубине пещеры спустился клубами вниз. (Он помнил, о чём Женщина договорилась с Котом.) Когда дым рассеялся, Женщина увидела, что Кот сидит и греется у очага.

– О мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал он. – Видишь, как всё обернулось. Ты второй раз похвалила меня. Теперь я могу сидеть и греться около костра в глубине пещеры и делать это всегда, всегда и всегда. А всё-таки я – Кот, разгуливаю один, где мне захочется, и все места для меня одинаковы.

Очень-очень рассердилась Женщина. Она распустила волосы, подбросила дров в костёр, вынула широкую баранью лопатку и принялась над ней колдовать, чтобы волшебство помешало ей в третий раз похвалить Кота. Она не пела волшебной песни, о нет, она колдовала молча, и мало-помалу в пещере стало так тихо, что маленькая-маленькая Мышка выползла из угла и побежала по полу.

– О мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – обратился к ней Кот, – скажи, эта Мышка тоже помогает твоему волшебству?

– Ох, нет, нет, нет! – закричала женщина, уронила баранью лопатку, вскочила на табурет, стоявший около костра, и быстро-быстро заплела волосы, опасаясь, что Мышка уцепится за них и влезет ей на голову.

– Ага, – сказал Кот, глядя на неё, – значит, я могу съесть Мышку и за это мне не попадёт? Ты не рассердишься?

– Нет, – ответила Женщина, поднимая косы над головой, – скорее съешь её, и я буду вечно тебе благодарна.

Кот прыгнул, поймал Мышку, и Женщина ему сказала:

– Тысяча благодарностей! Даже Первый Друг не может ловить мышей так быстро, как это сделал ты. Ты, вероятно, не обыкновенно умён.

В эту самую минуту, в эту самую секунду – трах! – горшок с молоком, стоявший подле костра, треснул в двух местах. (Он помнил о договоре Женщины с Котом.) И вот, когда Женщина соскочила с табурета, она увидела, что Кот лакает тёплое белое молоко, оставшееся в одном из черепков развалившегося горшка.

– О мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал Кот, – видишь, как оно всё обернулось? Что ж, ты похвалила меня в третий раз. Теперь я могу три раза в день пить тёплое белое молоко, и так будет всегда, всегда и всегда. А я – всё-таки Кот, который может разгуливать один, там, где захочет, и все места для меня одинаковы.

Женщина засмеялась и поставила перед Котом чашку с тёплым белым молоком, сказав:

– О Кот, ты так же умён, как и Человек, только помни, ты не заключал договора ни с моим мужем, ни с Собакой, и я не знаю, что они сделают, когда вернуться.

– Что мне за дело до этого? – спросил Кот. – У меня будет местечко около костра, мне станут давать три раза в день тёплое белое молоко... К чему мне думать о каком-то Человеке и какой-то Собаке?

Когда в этот вечер Человек и Собака пришли в пещеру, Женщина рассказала им обо всём, что произошло. Кот сидел подле костра и улыбался. Но муж Женщины сказал:

– Да, только я-то ему ничего не обещал. Ничего ему не обещали и все другие мужчины, которые будут после меня.

Сказав это, Человек снял с себя кожаные сапоги, взял маленький каменный топор (три вещи), принёс полено и секиру (всего пять вещей), разложил их в ряд и сказал:

– Теперь, Кот, договорись со мной. Если ты не станешь ловить мышей в пещере всегда, всегда и всегда, я буду швырять в тебя одну из этих вещей. Так будут поступать и все остальные мужчины после меня.

– Кот умён, но мой муж умнее его, – тихо сказала Женщина.

Кот сосчитал пять вещей, лежавших рядом, и они показались ему жёсткими и неприятными. Подумав, он сказал:

– Я всегда, всегда и всегда буду ловить мышей, когда зайду в пещеру. А всё-таки я – Кот, я буду гулять там, где мне нравится, и все места для меня одинаковы.

– Ну что ж, гуляй, – согласился Человек, – только с этого часа не попадайся мне на глаза. Если же я увижу тебя, то обязательно швырну в тебя сапог, или топорик, или полено, или секиру. И так же будут поступать все мужчины после меня.

Человек замолчал. Тогда вперёд выступила Собака и ска зала:

– погоди минуту. Кот, ты не заключил договора ни со мной, ни с другими порядочными собаками, которые будут после меня. – Она оскалила зубы и прибавила: – Если при мне ты не будешь ласков с ребёнком всегда, всегда и всегда, я стану гоняться за тобой, пока не схвачу тебя, схватив же, примусь кусать. И то же будут делать все порядочные собаки после меня.

– Ага, – сказала слушавшая их Женщина, – Кот очень умён, но Собака умнее его.

Кот сосчитал зубы Собаки (какими острыми показались они ему!). Сосчитав же их, он сказал:

– Я буду всегда добр к Малютке, если только он не станет слишком сильно дёргать меня за хвост. Да, я буду ласков с ним всегда, всегда и всегда. А всё-таки я – Кот, могу гулять один, где мне вздумается, и все места для меня одинаковы.

– Теперь берегись! – рявкнула Собака. – Если бы ты не сказал последних слов, я закрыла бы рот и никогда, никогда, никогда не показывала бы тебе зубов. Теперь же при каждой встрече я буду загонять тебя на дерево. И то же будут делать все порядочные собаки после меня.

После этого Человек кинул в Кота оба сапога и каменный топорик (три вещи) – Кот выскочил из пещеры, и Собака загнала его на дерево. С тех пор три человека из пяти кидают в Кота всё, что попадётся им под руку, и все собаки загоняют Кота на дерево. Кот же держит своё слово. Он ловит мышей и ласково обращается с детьми, пока дети не принимаются слишком сильно дёргать его за хвост. Исполнив же свои обязанности в доме, в свободное время, особенно ночью, при луне, Кот снова делается прежним Диким Котом, разгуливает один, где ему вздумается, и все места кажутся ему одинаковыми. В такое время он уходит в сырой дикий лес, карабкается на дикие деревья или бегают по мокрым крышам, помахивает диким хвостом и, одинокий и дикий, бродит, где ему вздумается.

Кошка мурлычет, присев у огня,

Пьёт молоко или спит,

Или прыгает, по полу пробку гоня,

Или шнурок теревит.

Только мне с Бинки играть веселей,

Бинки – мой преданный пёс;

Был первым другом он древних людей,

Службу в пещере он нёс.

В необитаемый остров играть
С кошкой – морока одна;
Если велю я ей Пятницей стать,
Не понимает она.
Рвётся, мяучит, боится воды,
Лапки не хочет мочить...
Как же тогда Робинзону следы
На берегу различить?

Ластится кошка и трётся у ног,
Нежен и мил её взор;
Но только лягу я спать – наутёк
Мчится стрелою во двор.
Бинки всю ночь у кровати лежит,
Храп его слышу сквозь сон;
Рядом лежит и меня сторожит,
Первый мой друг – это он!

Мотылёк, который топнул ногой

Слушай хорошенько, и я расскажу тебе новую чудесную сказку, которая совсем не похожа на все остальные. Я расскажу тебе об одном мудром правителе, которого звали Сулейман-Бен-Дауд, что означает Соломон, сын Давида.

Об этом Сулеймане-Бен-Дауде составлено триста пятьдесят пять рассказов, но моя история не из их числа. Я не стану рассказывать о Пигалице, которая нашла воду, или об Удоде, который раскинул свои крылышки и защитил Сулеймана от знойных лучей солнца. В сказке моей не говорится также о золотых украшениях султанши Балкис. Нет, я расскажу тебе о Мотыльке, который топнул ногой. Так слушай же, слушай хорошенько!

Сулейман-Бен-Дауд был очень мудр, очень умён. Он понимал, что говорили звери, птицы,

рыбы и насекомые. Он понимал подземные скалы в то время, когда они со стоном наклонялись одна к другой, и шелестящие голоса листьев, когда утренний ветер играл вершинами деревьев. Он понимал всё-всё, и Балкис, его главная султанша, изумительная красавица, была почти так же умна, как и он.

Сулейман-Бен-Дауд мог делать удивительные вещи. На третьем пальце правой руки он носил перстень. Стоило ему повернуть этот перстень один раз вокруг пальца, как ифриты и джинны появлялись из-под земли и исполняли то, что он приказывал им. Когда мудрый султан поворачивал кольцо два раза вокруг пальца, с неба спускались феи и выполняли его желание. Если же он поворачивал перстень вокруг пальца три раза, то сам великий Азраил, обычно облачённый в сияющие доспехи и несущий в руках меч, являлся к нему в образе простого водоноса и рассказывал ему обо всём, что происходит в трёх великих мирах: верхнем, нижнем и срединном (людском).

Между тем Сулейман не возгордился: он редко пользовался своей властью, а когда это случалось, то ему это было неприятно. Однажды он задумал накормить всех животных во всём мире в один день, но, когда вся пища для пира была приготовлена, из морской глубины выплыл огромный Зверь, вышел на отмель и в момент проглотил всё угощение, разложенное на берегу. Сулейман очень удивился и спросил:

– О Зверь, кто ты?

А Зверь ему ответил:

– О султан, желаю тебе бесконечной жизни. Я самый маленький из тридцати тысяч братьев. И живём мы все на дне моря. Мы узнали, что ты собираешься накормить зверей со всего света, и братья прислали меня узнать, когда будет готов обед.

Сулейман-Бен-Дауд удивился ещё больше и сказал:

– О Зверь, ты проглотил весь обед, который я приготовил для всех животных со всего света.

А Зверь ему ответил:

– О султан, желаю тебе вечной жизни, но неужели эту безделицу ты называешь обедом? Там, откуда я пришёл, мы в виде закуски едим вдвое больше того, что я проглотил сейчас.

Сулейман пал ниц и сказал:

– О Зверь! Я собирался дать этот обед, надеясь показать всем, какой я могучий и богатый властитель, а совсем не потому, что мне действительно хотелось позаботиться о животных. Ты пристыдил меня, и я получил хороший урок.

Сулейман-Бен-Дауд был истинно мудрый человек. После этого случая он уже не забывал о том, что тщеславие глупо, а хвастливый человек жалок. Только это была присказка, а теперь начинается настоящая сказка.

У султана было много-много жён – девятьсот девяносто девять, – не считая очаровательной главной султанши, Балкис. Они жили в большом золотом дворце, а дворец этот стоял в прелестном саду с красивыми фонтанами. В сущности, Сулейману такое положение вещей не очень-то нравилось, но в те дни у каждого богатого господина было несколько жён, и, понятно, султану нужно было ввести в свой дом побольше султанш, чтобы показать, как он важен и как богат.

Многие его жёны были красивы и приветливы, некоторые же уродливы и злы. Уродливые ссорились с красивыми, и те тоже начинали злиться. И все они ссорились с султаном, а это ужасно надоедало ему. Только Балкис, красавица Балкис, никогда не ссорилась с

Сулейманом. Она слишком любила его. Балкис сидела в своей комнате в золотом дворце, гуляла по саду и очень жалела, что у Сулеймана так много неприятностей в семье.

Понятно, если бы мудрый правитель повернул кольцо на пальце, призвал джиннов и ифритов, они, конечно, превратили бы его девятьсот девяносто девять сердитых жён в белых мулов пустыни, борзых собак или зёрна граната. Но султан Сулейман боялся снова опозориться. И когда его жёны слишком сильно кричали и сердились, он уходил подальше, вглубь своего чудесного дворцового сада, и жалел, что родился на свет.

Однажды, после того как ссоры сварливых жён великого мудреца не прекращались три недели и всё это время девятьсот девяносто девять султанш кричали и сердились, Сулейман-Бен-Дауд по обыкновению ушёл в свой сад.

В апельсиновой роще он встретил красавицу султаншу Балкис. Она была очень печальна, зная, что Сулейман огорчён. Балкис посмотрела на него и сказала:

– О господин мой и свет моих очей, поверни кольцо на пальце и покажи владычицам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты великий и страшный султан.

Но Сулейман-Бен-Дауд, покачав головой, ответил:

– О моя госпожа и радость жизни моей, вспомни Зверя, вышедшего из моря! Он пристыдил меня перед всеми животными за моё тщеславие и за мою гордость. Теперь, если бы я возгордился и решил показать свою силу султаншам Персии, Египта, Месопотамии и Китая только потому, что они мне надоедают, я, может быть, был бы посрамлён ещё больше, чем в тот раз.

На что прекрасная Балкис спросила:

– О мой господин и сокровище души моей, как же ты поступишь?

Сулейман-Бен-Дауд ответил:

– О моя госпожа и радость сердца моего, я подчинюсь своей судьбе, которую держат в руках девятьсот девяносто девять султанш, надоедающих мне своими непрерывными ссорами.

И султан пошёл дальше между лилиями, мимозами, розами и тюльпанами, между имбирными кустами, распространяющими сильное благоухание, и наконец пришёл к большому камфарному дереву, которое называлось камфарным деревом Сулеймана-Бен-Дауда. Балкис же спряталась среди высоких ирисов, острых бамбуков и красных лилий, окружавших камфарное дерево, чтобы остаться близ своего любимого супруга, султана Сулеймана.

И вот под дерево прилетели две бабочки. Они ссорились.

Сулейман-Бен-Дауд услышал, что пёстрый Мотылёк сказал своей спутнице:

– Удивляюсь, как ты дерзка! Не смей так говорить со мной! Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой, и дворец султана Сулеймана вместе с садом тотчас же с грохотом исчезнет?

Услышав это, Сулейман-Бен-Дауд позабыл о своих девятистах девяносто девяти надоедливых жёнах и засмеялся, засмеялся так, что камфарное дерево затряслось. Его рассмешило хвастовство Мотылька. Он поманил его пальцем, сказав:

– Поди-ка сюда, малыш!

Мотылёк страшно испугался, но подлетел к руке Сулеймана и вцепился лапками в его палец, обмахивая себя крылышками. Султан наклонил голову и тихо-тихо прошептал:

– Маленький Мотылёк, ведь ты знаешь, что, как бы ты ни топал ножками, тебе не удастся согнуть и былинки. Что же заставило тебя так солгать своей жене? Потому что эта Бабочка, без сомнения, твоя жена?

Мотылёк посмотрел на Сулеймана и увидел глаза мудрого султана, мерцавшие, как звёзды в морозную ночь, собрал всё своё мужество в оба крылышка, наклонил маленькую голову и ответил:

– О султан, живи долго и счастливо! Эта Бабочка действительно моя жена, а ты сам знаешь, что за существа эти жёны.

Султан Сулейман улыбнулся в бороду и ответил:

– Да, я это знаю, мой маленький брат.

– Так или иначе, приходится держать их в повиновении, – ответил Мотылёк. – А моя жена целое утро ссорится со мной. Я солгал ей, чтобы она хоть ненадолго угомонилась.

Сулейман-Бен-Дауд заметил:

– Желаю тебе, чтобы она успокоилась. Вернись же к ней и дай мне послушать ваш разговор.

Мотылёк порхнул к своей жене, которая, сидя на листе дерева, вся трепетала, и сказал ей:

– Он слышал тебя. Сам султан Сулейман-Бен-Дауд слышал, что ты говорила.

– Слышал? – переспросила Бабочка. – Так что же? Я и говорила, чтобы он слышал. А что же он сказал? О, что сказал он?

– Ну... – ответил Мотылёк, с важностью обмахивая себя крылышками, – говоря между нами, дорогая, я не могу порицать его, так как его дворец и сад, конечно, стоят дорого. Да к тому же и апельсины начинают созревать... Он просил меня не топтать ногой, и я обещал не делать этого.

– Что за ужас! – вскричала Бабочка и притихла.

Сулейман же засмеялся: он до слёз хохотал над бессовестным маленьким Мотыльком.

Балкис, красавица султанша, стояла за деревом, окружённая красными лилиями, и улыбалась. Она слышала все эти разговоры и шептала: «Если я задумала действительно умную вещь, мне удастся спасти моего повелителя от преследований несносных султанш».

Она протянула палец и нежно-нежно шепнула Бабочке:

– Маленькая женщина, лети сюда.

Бабочка вспорхнула. Ей было очень страшно, и она, дрожа, приникла к изящному пальчику султанши.

А Балкис наклонила очаровательную головку и тихо сказала:

– Маленькая женщина, веришь ли ты тому, что только что сказал твой муж?

Жена Мотылька посмотрела на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши блестят, как бездонное озеро, в котором отражается звёздный свет, собрала обоими крылышками всю свою храбрость и ответила:

– О султанша, будь вечно здорова и прекрасна! Ты ведь знаешь, что за существа эти мужья!

А султанша Балкис, мудрая Балкис Савская, поднесла руку к своим губам, чтобы скрыть игривую на них улыбку, и снова прошептала:

– Да, сестричка, знаю, хорошо знаю.

– Мужья сердятся, – продолжала Бабочка, быстро обмахиваясь крылышками, – сердятся из-за пустяков, и нам приходится угождать им. Они не думают и половины того, что говорят. Если моему мужу хочется воображать, будто я верю, что, топнув ногой, он может разрушить дворец султана Сулеймана, пусть – я притворюсь, что верю. Завтра он забудет обо всём этом.

– Маленькая сестричка, – сказала Балкис, – ты права, но, когда в следующий раз он примется хвастать, поймай его на слове. Попроси его топнуть ногой и посмотри, что будет дальше. Ведь мы-то с тобой отлично знаем, каковы мужья. Ты его пристыдишь, и пристыдишь как следует.

Бабочка улетела к своему мужу, и через пять минут у них закипела новая ссора.

– Помни, – сказал жене Мотылёк. – Помни, что случится, если я топну ногой!

– Я не верю тебе! – ответила Бабочка. – Пожалуйста, топни, я хочу посмотреть, что будет! Ну топай же ногой!

– Я обещал султану Сулейману не делать этого, – ответил Мотылёк, – и не желаю нарушать своего обещания.

– Какой вздор! Если ты топнешь ногой, ничего не случится, – сказала Бабочка. – Топай сколько хочешь – ты не согнёшь ни одной травинки. Ну-ка попробуй! Топай, топай, топай!

Сулейман-Бен-Дауд сидел под камфарным деревом, слышал разговор Мотылька и его жены и смеялся так, как никогда ещё не смеялся в жизни. Он забыл о своих султаншах, забыл о Звере, который вышел из моря, забыл о тщеславии и хвастовстве. Он хохотал просто потому, что ему было весело, а Балкис, стоявшая с другой стороны дерева, улыбалась, радуясь, что её любимому мужу так хорошо.

Вот разгорячённый и обиженный Мотылёк порхнул в тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

– Она требует, чтобы я топнул ногой. Она хочет видеть, что случится, о Сулейман-Бен-Дауд. Ты знаешь, что я не могу этого сделать, и теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и до конца моих дней будет насмехаться надо мной!

– Нет, маленький братик, – ответил Сулейман-Бен-Дауд, – твоя жена никогда больше не станет над тобой насмехаться. – И он повернул перстень, повернул ради маленького Мотылька, а совсем не для того, чтобы похвастаться своим могуществом. И что же? Из земли вышли четыре сильных джинна.

– Рабы, – сказал им Сулейман-Бен-Дауд, – когда вот этот господин, сидящий на моём пальце (действительно, на его пальце по-прежнему сидел дерзкий Мотылёк), топнет левой передней ногой, сделайте так, чтобы разразилась страшная буря, грянул гром, и под этот шум унесите мой дворец с садом. Когда он снова топнет, осторожно принесите их назад...

– Теперь, маленький брат, – сказал он Мотыльку, – вернись к своей жене и топни ногой, да по сильнее!

Мотылёк полетел к своей жене, которая продолжала кричать:

– Ну-ка посмей топнуть! Топни ногой! Топни же, топни!

Балкис увидела, как джинны наклонились к четырём углам сада, окружавшего дворец, весело хлопала в ладоши и прошептала:

– Наконец-то Сулейман-Бен-Дауд сделает для Мотылька то, что он давно должен был бы сделать для самого себя! О, сердитые султанши испугаются!

И вот Мотылёк топнул ногой. Джинны подняли дворец и сад в воздух на тысячу миль. Раздался страшный раскат грома, и всё окутала чернильная тьма.

Бабочка металась в темноте и кричала:

– О, я буду доброй! Мне так жаль, что я говорила глупости! Только верни на место сад, мой дорогой, милый муж, и я никогда больше не буду с тобой спорить!

Мотылёк испугался не меньше своей жены, а Сулейман так хохотал, что прошло несколько минут, прежде чем он смог шепнуть:

– Топни снова, маленький братец. Верни мне обратно мой дворец, о великий и сильный волшебник!

– Да, да, верни ему его дворец! – прошептала Бабочка-жена, по-прежнему метавшаяся в темноте, прямо как её ночные сёстры. – Верни ему дворец, и, пожалуйста, довольно этого ужасного колдовства!

– Хорошо, дорогая, – ответил ей Мотылёк, стараясь придать своему голосу твёрдость. – Ты видишь, что вышло из-за твоих капризов? Конечно, мне всё это безразлично, ведь я-то привык к подобным вещам, но из любви к тебе и к султану Сулейману я согласен привести всё в порядок.

Итак, он снова топнул ногой, и в то же мгновение джинны опустили дворец и сад, да так осторожно, что и травинка не колыхнулась. И снова солнце освещало тёмно-зелёные листья апельсиновых деревьев, фонтаны били среди розовых египетских лилий, птицы пели, а Бабочка лежала на боку под камфарным деревом, трепетала крылышками и, задыхаясь, говорила:

– О, я буду послушна, я буду уступчива!..

Султан же так смеялся, что не мог говорить.

Он откинулся назад, изнемогая от смеха, несколько раз икнул, наконец, погрозил пальцем Мотыльку и сказал:

– О великий волшебник, ну зачем ты вернул мне мой дворец, раз в то же самое время заставляешь меня умереть от смеха?

Вдруг послышался страшный шум: все девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца и принялись звать своих детей. Они бежали по большим мраморным лестницам, спускавшимся вниз от фонтанов, – на каждой ступени по сто женщин. Умная Балкис подошла к ним и сказала:

– Что с вами, о султанши?

Султанши, которые стояли на каждой ступени мраморной лестницы по сто в ряд, ответили:

– Ты спрашиваешь, что с нами случилось? Да неужели не ясно! Мы жили себе поживали в

нашем чудесном дворце, и вдруг он исчез, нас окружила непроглядная тьма, что-то зашумело и загремело. Потом в темноте закружились джинны и ифриты. Вот что испугало нас, о главная султанша, и испуг наш – самый сильный и страшный испуг, какой только может быть, и он не походит ни на какие наши прежние испуги, какие нам только доводилось переживать!

Тогда Балкис, красавица султанша, любимая жена Сулеймана-Бен-Дауда, перешедшая через золотоносные реки юга и пришедшая из пустыни Цинна к башням Зимоабве, почти такая же мудрая, как мудрейший в мире султан Сулейман-Бен-Дауд, ответила:

– Всё это пустяки, о султанши. Мотылёк всего лишь пожаловался на свою жену, которая постоянно с ним ссорилась, и наш повелитель Сулейман-Бен-Дауд пожелал преподать ей урок смирения и послушания, потому что и то и другое считается добродетелью среди жён мотыльков.

На это ей ответила дочь фараона, султанша Египта:

– Я не верю, чтобы наш дворец можно было вырвать из земли, словно слабую травинку, ради ничтожного насекомого. Нет! Должно быть, Сулейман-Бен-Дауд умер. И земля задрожала и застонала от горя, и разверзлись от горя небеса, и страшная тьма воцарилась повсюду!

Балкис поманила рукой гордую султаншу, не глядя на неё, и сказала ей и всем остальным жёнам Сулеймана:

– Пойдите и посмотрите.

Они спустились с мраморной лестницы, по-прежнему по сто в ряд, и увидели, что под камфарным деревом сидит премудрый султан Сулейман, всё ещё не оправившийся от слабости после припадка смеха. Он покачивался взад и вперёд и на каждой его руке сидело по бабочке. Тут султанши услышали его слова:

– О жена моего братика, летающего в воздухе, теперь, после всего, что случилось, помни: во всём угождай своему мужу, чтобы он снова не вздумал топнуть ногой. Он сказал, что привык творить чудеса, да и сам он великий волшебник, настоящий колдун, который может далеко-далеко унести дворец Сулеймана-Бен-Дауда. Так летите же с миром, мои крошки! – Он поцеловал крылышки Мотылька и Бабочки, и они улетели.

Тогда все султанши, кроме великолепной Балкис, которая стояла в сторонке и улыбалась, пали ниц, воскликнув:

– Если ради Мотылька, недовольного своей женой, совершаются такие великие чудеса, что же будет с нами, рассердившими нашего султана своими вечными ссорами, криками и недовольством!

Потом они поднялись с земли, опустили на лица прозрачные покрывала, прижали руки к губам и тихо, как мышки, на цыпочках двинулись к дворцу.

А Балкис, прекрасная и восхитительная Балкис, прошла между красными лилиями в тень камфарного дерева, положила изящную руку на плечо Сулеймана-Бен-Дауда и сказала:

– О мой господин и сокровище души моей! Радуйся, мы преподали великий урок султаншам Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая, урок, который они никогда не забудут!

Сулейман-Бен-Дауд, всё ещё следивший взглядом за Мотыльком и Бабочкой, игравшими в лучах солнца, ответил:

– О моя госпожа и драгоценность моего счастья, когда же это случилось? Ведь с той самой минуты, как я пришёл в сад, я шутил с Мотыльком... – И он рассказал обо всём Балкис.

Балкис, нежная и прелестная Балкис, ответила на это:

– О мой повелитель и господин моей жизни, я пряталась за стволом камфарного дерева и всё видела. Именно я посоветовала жене Мотылька попросить его топнуть ногой, так как надеялась, что ради шутки мой повелитель сотворит великое волшебство и что султанши испугаются. – После этого Балкис рассказала Сулейману, что ей сказали султанши, что они видели и что думали.

Сулейман-Бен-Дауд поднялся со своего места и, протянув к ней руки, радостно сказал:

– О моя госпожа и сладость дней моих, знай, что, если бы я совершил волшебство, направленное против всех моих султанш, и действовал из тщеславия или гнева, как тогда, когда решил устроить пир для всех животных, я, вероятно, был бы снова посрамлён. Но ты своей мудростью заставила меня прибегнуть к волшебству ради шутки и на пользу маленькому Мотыльку, и что же случилось? Моё волшебство избавило меня от злости на моих несносных жён. Поэтому скажи мне, о госпожа и сердце моего сердца, что сделало тебя такой мудрой?

Балкис, великая султанша Балкис, прекрасная собой и статная, заглянула в глаза Сулеймана-Бен-Дауда, чуть склонила головку набок, точь-в-точь как это сделала маленькая Бабочка, и сказала:

– Во-первых, о мой повелитель, моя горячая любовь к тебе. Во-вторых, о мой господин, знание женского сердца.

После этого они пошли во дворец и с тех пор жили счастливо.

Но скажи, разве не умно поступила султанша Балкис?